

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА 9(3)

КУЛЬТУРА ВОСТОКА

A 18
9(3-2)
A 18

В. АВДИЕВ

**ДРЕВНЕ-ЕГИПЕТСКАЯ
РЕФОРМАЦИЯ**

~~4684~~
4684
М 903246

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
И. Н. БОРОЗДИНА

1966

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—МСМХХІV

**ЯРОСЛАВСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

Отпечатано 2000 экз.
в Тип. Коминтерн
Изд. „Красная Новь“
Гиз. № 7435
Ленинградский
Гублит № 11203
Ленинград.

*Памяти
основателя русской египтологии
академика
Бориса Александровича Тураева.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время Амарнской реформы является одним из любопытнейших моментов истории древнего Египта. Недаром этому сравнительно небольшому периоду посвящено столько научных работ, непрестанно увеличивающихся. Различные стороны этой эпохи привлекают исследователей, трактующих вопросы „искусства Амарнской эпохи“, „религиозной реформы“ и т. д.

Но, быть может, несколько одностронне выделять и как-то особо изолировать слишком краткий период Амарнской реформы, связанной непосредственно с временем Эхнатона. Амарнская реформа — эпизод в той начальной истории „нового царства“, которая, по старому обозначению по династиям, связана с правлением фараонов 18-й династии. В эту эпоху Египет, сбросивший иноземное иго, переходит от обороны к нападению. Представители новой династии ведут великодержавную, завоевательную политику, посылая свои полчища на восток и юг. Не только в целях обороны границ, но и для захвата богатств Малой Азии (главным образом Сирии) и загадочного Пуиша ведут свои бесконечные войны Тутмосы и Аменхотепы. Египетская экспансия выходит далеко за пределы Нильской долины. И Передняя Азия, и южный берег Африки, и Эгейский мир считаются с грозной и воинственной державой фараонов.

Создается большая военно-бюрократическая монархия с сильной властью фараона, с большим военным бюджетом, с широкой внешней политикой, с определенными колониальными устремлениями.

Факт египетского империализма налицо.

Ко времени Аменхотепа IV (Эхнатона) завоевательная шумиха замолкает. На востоке появляются новые политические образования, серьезно противодействующие дальнейшим египетским продвижениям. С другой стороны, внутри государства обостряется борьба между самодержавной властью фараонов и крупно-владельческим жречеством, не желавшим выпускать из своих рук социально-политического влияния. Усилившийся, благодаря войнам, монархический авторитет фараона сталкивался со старыми привилегиями жречества. Жречество, владея колоссальными земельными угодиями (особенно жречество Амона), непрестанно накапливало богатство и, оперируя им, являлось большой социальной силой. Бесконечные походы, стоившие огромных затрат и едва покрывавшиеся бесчисленными поборами с населения, расшатали фараонову казну. Естественно, что у фараонов являлась мысль о захвате храмовых земель и уничтожении политических привилегий жречества.

Амарнская реформа Эхнатона с введением солярного монотеизма и с секуляризацией храмовых земель и является политикой разгрома Амонова жречества, лишения его экономической базы и политического влияния. Широко и интересно задуманная религиозная реформа, нашедшая такое яркое отображение в литературе и искусстве, не должна закрывать ее совершенно определенных и ясных социально-экономических основ. Автор настоящей книжки, увлеченный личностью и делом Эхнатона, несколько преувеличил религиозную сторону реформы и роль самого фараона. Его политика подсказывалась совершенно определенными реальными отношениями.

Неудача грандиозно-задуманной реформы также находит социологическое объяснение. В своей реформационной деятельности Эхнатон не опирался на какой-нибудь определенный класс. Реформа его проводилась чисто бюрократическим путем. Жречество же, ловко используя недовольство широких народных масс, стонавших под податным бременем, агитировало против фараона и его „новой религии“ и призывало в защиту старых богов. Новая религия была навязана сверху; разгром старых святынь был произведен грубо и решительно. Народ не поддержал фараона; начались волнения, беспорядки. Жречество оказалось сильнее и одержало конечную победу. Реформа почти не пережила реформатора. Смуты закончились реставрацией и в роли восстановителя старого порядка выступил фараон Тутанхамон, столь популярный в наши дни благодаря блистательным новейшим открытиям в Нильской долине.

И. Бороздин

ВВЕДЕНИЕ

Грандиозная религиозная, художественная, социальная и политическая реформа Эхнатона (1), осуществленная им под знаменем введения нового очищенного единобожия и культа единого солнечного диска— Атона и скрывающая в себе разрыв с целым рядом установленных традиций, а также попытку построения совершенно нового уклада жизни— эта реформа, которую мы для краткости будем называть Амарнской (2) реформой, интересует нас не только как высшая точка расцвета древне-египетского творчества, тончайший и ароматнейший цветок ее своеобразной культуры, но и как первая в истории известная нам попытка проведения монотеистической и индивидуалистической реформы волей одного человека, порвавшего разом почти со всеми формами традиционной древней культуры, со всем бытом и укладом тысячелетней исторической жизни. В этом аспекте реформа Эхнатона приобретает для нас общий, типический, почти социологический интерес, как прообраз некоего стихийно-личного революционного акта и грандиозного общественного катаклизма.

Обратившись к детальному изучению источников и сохранившихся памятников Амарнской эпохи, мы ставим себе здесь тройную задачу:

1. определения тех причин и подпочвенных течений, которые привели к проведению реформы,
2. характеристики самого Эхнатона и его реформы в ее главнейших чертах и
3. выяснения тех влияний, которые эта реформа оказала на дальнейший ход египетской истории, а также причин неизбежно явившейся реакции.

Здесь главными историческими лицами являются для нас египетский народ, египетское общество, с его своеобразными расчленениями на классы и сословия, и, наконец, сам реформатор Эхнатон, создатель грандиозной реформы. В качестве же исторических факторов я выдвигаю как личную роль Эхнатона, так и ряд внешних и внутренних условий, которые сперва содействовали возникновению и проведению реформы, а затем с мощной силой ответной волны смели с лица земли замечательное творение смелого реформатора. Эпоха последующей реакции и возвращения страны к традиционному укладу жизни рассматривается мною как трагический эпилог неудавшейся реформы и как победа фиванского жречества, обладавшего колоссальным духовным и экономическим влиянием на все слои египетского общества.

Выход Египта из замкнутого круга узко-национальных интересов на широкую арену переднеазиатского и средиземноморского мира, воздействие на египетскую культуру целого ряда сложных иноземных влияний, усложнение и утончение самого внутреннего строя египетской жизни, воскрешение к новой жизни древне-гелиопольских культов, наконец, появление на троне фараона-мечтателя, одаренного к тому же железной, фанатической волей, — вот предпосылки и корни замечательнейшей монотеистической и индивидуалистической реформы, которая, подобно

гигантской буре, потрясла до самых основ весь строй традиционной древне-египетской жизни.

Неподготовленность же общества к восприятию необычных и сложных новых жизненных форм и активное противодействие фиванского жречества смелой реформе Эхнатона являются несомненно главными осями реакции, которая в лице Тутанхамона и Горемхеба вернула Египет к прежнему строю и к древнему, привычному и исконному укладу жизни, мысли и веры.

Повествуя о судьбах египетской истории, мы с неизбежностью должны приводить выдержки из современных источников и памятников, воскрешать древние слова египтян, дабы полнее и ярче отобразить весь строй их мышления и их души. Но, хотя мы по возможности почти каждый раз для этого и обращались к самим иероглифическим подлинникам, стараясь как можно точнее и ближе перевести древне-египетский текст, мы все же были лишены возможности полностью передать весь своеобразный колорит древне-египетского языка. Живописная идеографичность и символичность древне-египетского письма, лаконичность, сжатость, отрывочность, почти лапидарность египетского языка, причудливо чередующаяся с азиатическим красноречием и многословием, с надуманными и вычурными повторениями и словесными каламбурами, с дихотомией построения и параллельностью частей — все это делает абсолютно невозможным перевести на современный абстрактный и сухой язык трепетные и ароматные тексты древне-египетского языка. Поэтому да не посетует на нас требовательный читатель за наши неуклюжие и неумелые переводы, пытающиеся на современном тяжелом паровозе нагнать легкую древне-египетскую колесницу. Три с половиной тыся-

челетия, отделяющие нас от изучаемой эпохи, могут послужить для этого вполне достаточным извинением.

С другой стороны, египетская культура поражает нас при первом взгляде своей красочностью, живописностью, монументальностью и конкретностью, так и хочется изобразить ее всю в ряде ярких картин, освещенных знойными лучами палящего солнца юга. Но технические условия печатания не позволили нам дать всего того богатства зрительного материала, которым мы располагаем. В выборе иллюстраций мы руководствовались поэтому либо типическим, либо до сего времени у нас не изданным, дабы дать читателю наиболее полное и в то же время свежее представление об Амарнской эпохе древне-египетской истории.

Что касается литературы вопроса, то в приложенном библиографическом списке можно найти указания на использованные автором важнейшие работы в этой области. Наиболее интересными, конечно, являются книги Дэвиса, Шефера и Нибура, специально посвященные Амарнской культуре.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Корни Эхнатоновской реформы.

Строгая закономерность властвует над историческим процессом. Каждое явление в исторической жизни народа есть лишь звено в той общей цепи событий, которая выкована всем историческим прошлым страны и которая в свою очередь почти целиком предопределяет ее грядущие судьбы. Из бесчисленных отдельных маленьких камней человеческих поступков вырастает громадное здание исторического процесса, в котором люди являются лишь выразителями своеобразной исторической окрашенности своей эпохи. Только исключительно крупным индивидуальностям удается привнести нечто свое в этот постоянный и неизменный исторический поток, опять-таки направляя уклон своего оригинального творчества в полной гармонии с движением всего исторического целого, отдельными частями которого они являются.

Поэтому бессмысленно и бесцельно изучать какое бы то ни было историческое явление, личность или даже эпоху, как бы они ни были ярки и своеобразны, в их оторванности от всего исторического процесса. Слишком пристально сосредоточивая свой взгляд, мы этим самым его притупляем, теряя правильное

представление об очертаниях и величине фиксируемого предмета, вырванного из общей перспективы. Мы должны глядеть шире, охватывая весь исторический фон, проникая в глубину исторической подпочвы данного явления и одновременно прозревая дальнейший ход исторического развития. Тогда только изучаемое событие встанет перед нами во всей своей конкретной полноте, давая нам возможность охватить его со всех сторон, и тогда только мы сможем оценить его вполне точно и беспристрастно, вдвинув его в общую цепь исторического развития народа и страны.

**Цель
внешних
причин.**

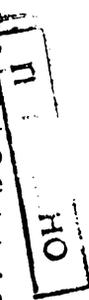
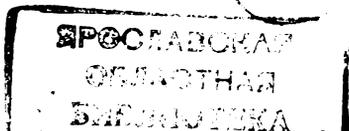
Основываясь на этих общих положениях, мы изучаем реформу Эхнатона в связи с предшествующими явлениями египетской истории, считая, что ее корни восходят до времени завоевания Египта гиксами, ибо тогда впервые создался тот уклон национального сознания, который привел страну к образованию единой и мощной централистической державы, получившей название Нового Царства, ибо тогда впервые создалась в Египте та внутренняя конъюнктура, которая привела впоследствии к эпохе иноземных завоеваний и просачивания в Египет чужеродных влияний.

**Изгна-
ние гик-
сов.**

Мы не будем сейчас подробно останавливаться на этой смутной переходной эпохе египетской истории, когда Египет, раздираемый внутренними междоусобиями, очутился добычей хищных завоевателей. Мы лишь в общих чертах характеризуем это время, указав на то, к каким неожиданным результатам привело господство над Египтом диких орд кочевников. Памятники, сохранившиеся от гиксовской эпохи, чрезвычайно скудны и не дают нам возможности полностью реконструировать картину завоевания

Египта гиксами, единственный же связный рассказ об этом времени сохранился у Манефона в передаче Иосифа Флавия, который слишком далеко отстоял от этих событий, чтобы подвергнуть их историческое изложение достаточно серьезной научной критике. Происхождение гиксов до сего времени остается неясным,—возможно лишь предположить, что они принадлежали к великой семитической расе, являясь одной из ее отраслей. Скорее всего это была одна из тех диких орд бедуинов-кочевников, аморреев или касситов, которые периодически затопляли культурные области Передней Азии, бурной волной выливаясь внезапно из своих безбрежных пустынь, захватывали цветущие и населенные места, сперва уничтожали все, подобно саранче, на своем пути, а потом ассимилировались с завоеванным племенем и образовывали там новые крупные военно-торговые государства, заимствуя у своих более культурных соседей их высокие формы государственной и общественной жизни.

Подобно тому, как до этого аморреи завоевали Вавилон, а несколько позднее ассирийцы наводнили верховья Месопотамии, гиксы в своем неудержимом стремлении на запад перешли через плохо охраняемый Синайский перешеек и вторглись в Египет, предавая огню и мечу все, что встречалось на их пути, воспользовавшись внутренним развалом египетского государства в эпоху изживания культуры Среднего Царства. Манефон говорит о дикой жестокости завоевателей, об угнетении ими коренного египетского населения, о том, что они разоряли египетские храмы и оскверняли местные культы, предавая разграблению цветущие местности и богатые, населенные города, остатки древней и высокой культуры. Естественно, что такое отношение гиксов должно

было вызвать отпор со стороны более культурных и более высоко стоящих в своем развитии египтян, национальное чувство которых было оскорблено дерзкими и хищными завоевателями. Отсюда нам становятся понятными организация египтян, сплочение их и их противодействие иноземному врагу, вторгшемуся в пределы их родной земли. И хотя впоследствии в Египте (1700—1600 до начала нашей эры) гиксы в значительной степени ассимилировались с египтянами, переняли от них их культуру и сделали даже попытку действительного приобщения к ней, египтяне все же сохранили в своем сердце исконную ненависть к этому чуждому для них племени, обоготворявшему не милосердых долинных богов, а страшного и жестокого повелителя пустыни и вечного врага Озириса—Сетха. А та внешняя культурная оболочка, которой варвары тщетно пытались прикрыть свою внутреннюю наготу, та широкая завоевательная политика, которая велась их правителями во славу якобы ими восстановленного Египта, еще более оскорбляла патристическую и национальную гордость египтян и больно ущемляла их сердце, впервые почувствовавшее всю тяжесть и весь позор иноземного владычества и гнета.

Поэтому нам становится понятным, что долголетнее владычество гиксов над Египтом привело, наконец, в своем результате к национальному восстанию египтян против поработителей их страны. Опять, как и в эпоху одиннадцатой династии, знамя единства страны было поднято на юге, опять, как и тогда, освободительный и объединительный клич раздался из Фив, естественной столицы Египта, в которой еще сохранялась память о могуществе Среднего Царства и о процветании страны при славных Ментухотепах и Аменемха-

тах. В третий раз юг поднялся против севера, в сердце которого враг основал свою собственную столицу, опору и крепость, центр военного и политического могущества и владычества над покоренной страной— Аварис. В одном любопытном памятнике (паруcus Sallier I) в символической форме повествуется о том, как впервые Фивы восстали против своего сюзерена— Авариса:

«Случилось, когда земля египетская была под властью прокаженных (презрительная кличка, данная египтянами гиксам) и не было владыки царя, но царь Секеннира был правителем в граде юга — в Фивах, а прокаженные города азиатов имели князем Апопи в Аварисе. Приносила ему вся страна все свои произведения. Царь Апопи избрал своим богом Сутеха (Сетха) и не кланялся никакому другому богу египетскому. Он выстроил ему храм прекрасной работы и вставал ежедневно, чтобы приносить жертвы... Вельможи присутствовали при этом с гиляндами, как это делается в храме Ра-Гармахиса (Ра-Горахте).

... Далее рассказывается, что, посоветовавшись с приближенными, Апопи отправляет в Фивы посольство, требуя, чтобы Секеннира прогнал гиппопотамов, шум которых слышен на севере и мешает Апопи спать. Не получив ответа, Апопи посылает вторичное посольство, обещаясь в случае успеха принять культ бога Амона-Ра. Секеннира в затруднении — его советники не могут ему ничего сказать, ни дурного, ни хорошего. Апопи посылает третье посольство»... (3).

В этом тексте любопытно отметить презрительное, высокомерное отношение египтян к своим завоевателям-гиксам, что сказалось в данной им небрежной и презрительной кличке — «прокаженные», в подчеркнутом различии их культов, в интересной связи азиатов

с жречеством гелиопольского храма Ра-Горахте (Ра двух горизонтов), который, очевидно, находился в сфере их влияния, и в указании на те многочисленные, роняющие его авторитет посольства, которые Аопи, почти унижая себя, шлет своему номинальному вассалу — фиванскому царю. Наконец, возня фиванских гиппопотамов, о которой говорит этот папирус, должна символизировать национальное движение за объединение страны, с мощной силой прорвавшееся в Фивах. Во главе этого движения стоял энергичный правитель Фив — Яхмос, один из преемников Секеннира, от одноименных близких сотрудников которого сохранились до нашего времени биографические надписи, свидетельствующие о напряженной борьбе египтян с гиксами. Первой задачей Яхмоса было объединение всего национально-мыслящего населения Египта против исконных врагов, второй — полная изоляция их от всей страны, третьей — осада и взятие главной их твердыни — Авариса и, наконец, четвертой и последней — изгнание их из пределов Египта и победоносное преследование их по пятам вглубь Сирии, куда таким образом был проложен путь для блестящих завоеваний 18-й династии.

Не легко далось это дело фараону Яхмосу и его славным сподвижникам. Один из его ближайших помощников, адмирал Яхмос, сын Бабы, оставивший нам рассказ о борьбе с гиксами, говорит о трех морских и сухопутных битвах, об упорных сражениях лицом к лицу, в рукопашную, с искушенным в военном деле врагом, прежде чем взят был Аварис, столица гиксов. Из его же повествования мы видим, с каким трудом удалось Яхмосу объединить страну. Три раза вспыхивали восстания против национального вождя, три раза слабые духом отрекались от общего дела и в

страхе отступали от непосильной задачи. Но непоколебимая энергия вождей победила все препятствия — Аварис после осады был взят, восстания в стране подавлены, и враг изгнан из страны. Мало того, увлеченные преследованием врага, египтяне вторглись в Сирию и осадили город Шарухин, опираясь на который гиксы могли грозить Египту новым нашествием. После тяжелой шестилетней осады, этот город был взят египтянами, и таким образом Египет был навсегда освобожден от своего столетнего врага и поработителя.

Изгнание гиксов явилось в результате вспышки национально - патриотического сознания египтян и объединения страны под сенью фиванских номархов. В свою очередь оно пробудило спящие силы египетского народа и дало мощный толчок для его дальнейшего развития. На развалинах гиксосского владычества выросла молодая и сильная Фиванская империя, умело организовавшая все силы страны, дабы направить их одним мощным движением на ряд блестящих завоеваний. Так началась та эра широкой завоевательной политики, которая вдвинула Египет в среду высоко-культурных держав Передней Азии и Средиземного моря и превратила Нильскую долину в мощную мировую империю с нервно-бьющимся сердцем — Фивами.

Изгнание гиксов было первым звеном в той цепи внешних исторических событий, которые привели в своем конечном результате к реформе Эхнатона. В расширении внешних пределов Фиванской державы, империи в той широкой завоевательной политике крупного, мирового масштаба, которую упорно проводили фараоны 18-й династии, мы усматриваем второе звено той же самой причинной цепи, тесно связанное с пер-

вым. Действительно, преследование побежденных гиксов привело египтян в Сирию, сделав их, таким образом, юридическими и фактическими наследниками бывшего гиксосского могущества в Передней Азии, распространявшегося, очевидно, на значительные территории. Эта первая победа египтян за пределами их родной страны и взятие ими там укрепленного пункта— Шарухина—открыли им путь к дальнейшим крупным завоеваниям на севере, к расширению в этом направлении империи и к образованию, таким образом, могущественной колониальной державы с неисчислимыми материальными ресурсами и с большим запасом живой силы.

Мы не располагаем полнотою всех сведений относительно египетских походов в Сирию и потому мы не можем с точностью утверждать, при каких из преемников Яхмоса I таковые походы предпринимались. Не делая лишних предположений, мы в дальнейшем будем опираться лишь на несомненные указания памятников. Вслед за Яхмосом I серию победоносных походов на север открыл Тутмос I, очевидно после долгой борьбы овладевший большей частью Сирии и дошедший в своем неудержимом воинственном порыве до Ефрата, этой главной торговой артерии Месопотамии. На Тамбосской стэле (4) в высокопарных и напыщенных словах говорится, что этот непобедимый фараон склонил к своим ногам силою своего меча все, даже самые отдаленные страны, побывав в долинах, доселе неизвестных его предкам, и дойдя на север до той «обращенной» (перевернутой) воды, которая «течет вниз по течению, идя вверх по течению». Так причудливо охарактеризовали египтяне Ефрат, впервые увидев его, по той причине, что он течет не на север, как привычный их глазу Нил, а на юг, что

на египетском языке синонимично выражению «вверх по течению» — откуда и произошел этот забавный каламбур. В той же интересной стэле говорится о том, что клятва именем фараона, образец которой был дан им самим в его коронационном декрете (5), введена во всех странах, им покоренных, и что названия этих стран не имеются в архивах его предков, начиная с эпохи владычества Почитателей Гора. Эти слова с достаточной яркостью говорят о широте и размахе завоевательной политики Тутмоса I, до сего времени чуждой миролюбивому старому Египту, и о том, что им в Сирии фактически был присоединен к Египту ряд областей и, таким образом, достигнут тот естественный рубеж, которым является для расширенного Египта на севере Ефрат, или по-египетски «обращенная, перевернутая вода».

Но завоевания Тутмоса III превзошли все то, что было сделано до него, и его слава неукротимого воителя затмила славу его непобедимого отца. В течение 20-тилетнего самостоятельного царствования он совершил 17 походов и окончательно закрепил за Египтом северные провинции Сирии, заколебавшиеся в своем подчинении Египту после смерти Тутмоса I. Главные опорные пункты непокорных египетских вассалов-аморреев: Кадеш и Мегиддо были взяты после кровопролитных боев и превращены в твердыни египетского владычества. Мало того, фараон обратил свое оружие на средиземноморское побережье Сирии и после нескольких походов покорил богатое торговое государство — Финикию с ее городами: Арадом, Тунипом, Симирой, Ирхатой, Каной и Иопнией, что дало в руки египтянам ключ к владычеству над Средиземным морем и заставило эгейцев, критян и кипрян прислать богатые дары властителю севера и юга,

божественному Гору и Сыну Солнца—Тутмосу III Менхепера, что значит «устойчиво бытие Ра».

Однако воинственный пыл фараона не остановился на этих весьма значительных успехах. Его влекло все дальше, вглубь страны, где скрывался его главный враг и организатор всех восстаний — Митаннийский народ. Только покорив его страну, которая находится близ верхнего течения реки Ефрата и которая у египтян получила название Нахарины, только обеспечив себе переход через Ефрат и поставив у переправы через него близ Нии свой пограничный столб, как символ своего могущества, Тутмос III смог счесть себя спокойным на северной границе своей грандиозной мировой державы. Вдвинутый в круг великих держав Переднего Востока и Средиземного моря, Египет быстро стал благодаря этим завоеваниям на первое место среди них. Великая Хета, Вавилон, Кипр, Крит и другие островные государства Средиземного моря шлют в Фивы свои посольства с дарами и данью, стараясь обеспечить себе союз, покровительство и дружбу могущественного фараона, победоносные войска которого внушили ужас всему тогдашнему миру. «Египет сделался первым государством в мире; к царскому двору отовсюду стекались громадные богатства», пишет покойный академик Б. А. Тураев в своем курсе по истории Древнего Востока и там же дальше: «Эти походы сделали египетского царя гегемоном тогдашнего мира» (6).

Походы Тутмоса III на север оказались рекордными для фараонов 18-й династии. Его преемникам оставалось лишь поддерживать создавшееся положение вещей и защищать те естественные границы, которые были достигнуты Тутмосом III. Аменхотепу II пришлось после смерти своего великого отца подавить вспых-

нувший в Сирии мятеж и восстановить там престиж египетского оружия и египетской власти, что им и было исполнено. Плоды же всех этих блестящих побед и завоеваний пожал один из величайших фараонов Египта Аменхотеп III (см. рис. 1), царствование которого является спокойным торжеством великого народа, почившего на лаврах и предавшегося мирному культурному строительству. Действительно, этот фараон был с полным правом назван Аменхотепом Великолепным, ибо его царствование было одним из моментов высшего культурного расцвета Египта.

Громадные завоевания, совершенные египтянами на севере, естественно требовали от них непомерно тяжелых жертв людьми и материальными средствами, которые в свою очередь должны были пополняться из какого-то неиссякаемого резервуара. Такой источник был найден египетскими фараонами в южных провинциях страны, вернее в прилежащих к ним с юга нубийских областях. Нубия, или, как говорили египтяне, «презренная страна Куш», должна была постоянно пополнять убыль в людском и денежном материале, которую терпел Египет благодаря разорительным войнам на севере. Поэтому египетские фараоны одновременно с походами на север предпринимали ряд походов на юг, дабы обеспечить за собой эту богатую колонию и продвинуть как можно дальше на юг, по направлению к центральной Африке, границы страны.

Аменхотеп I начинает эту длинную серию походов на юг. Тутмос I покоряет Нубию до третьего порога и спускается еще на 40 миль южнее, где и строит свою пограничную крепость Томбос, дабы этим обеспечить власть египтян в Нубии. Тутмос II жестоко подавляет вспыхнувшее против египтян восстание

в Нубии и освобождает, таким образом, для египетских купцов торговые пути к далекому югу и юго-востоку, к сказочной стране Пунт, куда при царице Хатшепсут предпринимается крупная государственная торговая экспедиция, окончившаяся блестящим успехом и запечатленная в рельефах и надписях Дейр-эль-Бахрийского храма. Насколько мы можем судить по анналам Тутмоса III, в его царствование не было предпринято крупных походов на юг против Нубии; записи ограничиваются указаниями на постоянный приток из областей Куша и Вавата (южная и северная Нубия) обильной дани, выражавшейся, очевидно, главным образом, в слоновой кости, золоте и рабах, что давало Тутмосу III те материальные ресурсы, в которых он нуждался для своих дорогостоящих сирийских кампаний.

При Аменхотепе II границы Египта были отодвинуты еще дальше к югу, до 4-го Нильского порога, что таким образом отдало в руки египтян Напату. Наконец, Тутмос IV кончил этот блестящий ряд походов на юг, который в своем результате дал Египту богатейшую южную провинцию и неиссякаемый источник людских и материальных ресурсов. Аменхотепу III оставалось только пользоваться этими накопленными его предшественниками сокровищами для своего мирного строительства, выражавшегося, главным образом, в украшении и поддержании старых храмов и в постройке по всей стране целого ряда новых храмов и дворцов, во славу древних египетских богов во главе с божеством солнца и Фив — Амоном (см. рис. 2, стр. 39) и во славу их любимого сына, Сына Солнца, Царя Верхнего и Нижнего Египта, блистательного Гора, владыки двух диадем и царственного урея, Аменхотепа III, Небмаатра, что значит «Владыка Истины-Ра».

Рис. 1. АМЕНХОТЕП III.

Берлинский музей.

Выход Египта на арену мировой истории. Значительное расширение пределов Фиванской империи при фараонах 18-й династии следует считать вторым причинным моментом, лежащим в основе Эхнатоновской реформы, с неизбежностью повлекшим за собой и третий аналогичный момент—вовлечение Египта в сферу крупных переднеазиатских и средиземноморских государств и их интересов. Конечно, и до этого Египет не был вполне изолирован от остального мира и не вел абсолютно замкнутого существования в своей укромной Нильской долине, расположенной на юго-западном краю тогдашнего цивилизованного мира; сношения с иностранными государствами были известны Египту и до 18-й династии, но настоящая великодержавная политика крупного стиля, приведшая к мировой гегемонии, есть несомненно результат завоевательной политики фараонов этой блестящей династии.

Эта широкая великодержавная политика Египта может быть нами разделена на три периода:

1. время крупных завоеваний и роста влияния Египта, продолжавшееся от Яхмоса I до Тутмоса III включительно;
2. время поддержания того положения, которое было создано благодаря завоеваниям Тутмоса III, при Аменхотепе II и Тутмосе IV, и
3. время устойчивого равновесия и покоя, одновременно с некоторым ослаблением иностранного влияния Египта при Аменхотепе III.

Этот третий период особенно интересен для нас, так как в сохранившейся от того времени дипломатической переписке мы видим деятельное участие Египта в широкой международной политике того времени. Четыре крупных государственных образования соперничали в то время между собой на полити-

ческой арене Передней Азии: Великая Хета, Митанни, Вавилон и союз аморрейских городов Сирии, поддерживаемый, очевидно, финикийскими прибрежными городами. Египту надлежало занять и свое место в этом концерте мировых держав.

Политика Аменхотепа III сводилась в этом отношении к поддержанию некоего дипломатического status quo, образовавшегося благодаря крупным завоеваниям его воинственных предшественников. Престиж Египта был настолько высок тогда в Сирии, что Аменхотепу III не доставляло большого труда поддерживать его на этой высоте. Однако, во избежание возможных конфликтов и сопряженных с этим войн, он обращается с государствами Переднего Востока, как равный с равным, называя царей Вавилона и Митанни своими «братьями», посылая им богатые дары и связывая себя с их династиями путем брачных уз. Эти два государства — богатый торговый Вавилон и недавний враг Египта Митанни — стали теперь ближайшими союзниками Египта, обеспечивая ему таким образом, путем заключения своеобразного тройственного союза, первое, если не по реальной власти, то по почету в память прежних завоеваний, место в среде переднеазиатских держав.

Брачные узы и посылка денежных и натуральных даров были, очевидно, в то время мерами упрочения политических союзов между государствами. Эту политику начинает уже Тутмос IV, женатый на дочери митаннийского царя Артатамы, а вслед за ним широко и смело развертывает Аменхотеп III. Он упрочивает союз с царем Митанни, взяв себе в жены дочь царя Сатарны и сестру царя Тушратты — Гилухипу. Это событие было им оценено, как крупный дипломатический успех, ибо в честь этого торжественного брако-

сочетания был приготовлен и снабжен надписью особый скарабей, как бы выбитая в честь этого события памятная медаль. В союзе с Митанни Аменхотеп III дипломатически и материально выступает против будущего врага Египта—хеттов и против наступающих с севера ассирийцев, посылая Тушратте, царю Митанни, богатые дары золотом и другими ценностями. В своих семи письмах к Аменхотепу III, которые сохранились до нашего времени, Тушратта настойчиво просит у фараона золота, которого, по его словам, в Египте столько же, сколько песку.

Такая же дипломатическая переписка между Вавилоном и Египтом свидетельствует о дружеских связях между этими двумя государствами, подкрепляемая, как обычно, пересылкой богатых даров и брачными узами. На этот раз вавилонский царь просит себе в жены египетскую царевну, но встречает высокомерный отказ фараона, ибо по законам страны «египетская царевна никому не может быть отдана». В этих словах Аменхотепа III звучит древняя гордость египтян, уверенных в чистоте своей расы и в богоизбранности своего племени, стоящего неизмеримо выше всех остальных земных народов. Яркий контраст этому представляет не совсем честная изворотливость ловкого семита, вавилонского царя, Кадашмана-Харбе, предлагающего фараону в ответ на его отказ прислать ему какую-нибудь простую египтянку, выдав ее обманно за египетскую царевну:

«... есть много дочерей и красивых женщин,—пишет он,—пришли мне одну из них, ведь кто скажет тогда: это не царевна» (7).

Наконец, совершенно мирным путем, может быть благодаря завоеванию Финикии, Египту удалось заручиться дружбой и возможно даже союзом северных

островных государств Эгейского и Средиземного морей, среди которых выделялись Крит и Кипр, получившие у египтян название: Кефтиу и Алаши. Таким образом, Египет вошел в тесное соприкосновение с крупнейшими государствами Переднего Востока и Средиземного моря, выступив на широкую арену мировой и великодержавной политики.

Последней и четвертой группой событий в этом внешнем причинном ряду событий, оказавших непосредственное влияние на реформу Эхнатона, следует считать те иноземные влияния, которые явились результатом вовлечения Египта в сферу широких мировых интересов. В этот период своей истории Египет вобрал в себя значительное количество элементов иноземных культур, ассимилировавшись с ними и создав, таким образом, ту почву, на которой могли свободно распусться все самые пышные цветы обновленного и освеженного культурного творчества. Египетский язык, египетская религия, искусство, литература, государственность и общественность подверглись сильному воздействию со стороны высоко развитых переднеазиатских и средиземноморских культур.

К сожалению, интереснейший вопрос об иноземных влияниях на египетскую культуру до сего времени еще не достаточно разработан в научной литературе, что лишает нас возможности дать в этом отношении, как это хотелось бы, полный и исчерпывающий очерк. Поэтому приходится ограничиваться случайным и разбросанным материалом и намечать лишь общие очертания этого крупнейшего исторического факта, одним словом—давать скорее постановку, нежели разрешение вопроса.

Особенно сильно сказалось иноземное влияние на египетском языке. Иностранные купцы, солдаты

Иноземные влияния.

и пленные наводнили Египет и своей речью естественно воздействовали на египетский язык, затопив его целым потоком варваризмов. Вся дипломатическая переписка велась на международном языке того времени, на вавилонском языке, и найденный в Амарне богатейший клинописный архив указывает на то, что и Египет должен был подчиниться этому общепринятому обычаю. Египетские воины и купцы, приезжавшие из Сирии, привозили с собой на родину целый запас новых слов, оборотов и форм, заимствованных ими у покоренных ими племен. Наконец, раскрывшаяся перед египтянами сокровищница азиатской мудрости, запечатленной на сотнях тысяч клинописных таблечек, манила к себе любознательный и пытливый ум египетских писцов и заставляла их невольно поддаваться обаянию этого богатого тысячелетнего языка и этой утонченной литературы. Все это естественно привело к значительному видоизменению древне-египетского языка, который испытал на себе сильное влияние азиатских, чисто-семитических языковых элементов. Количество иностранных, чисто-семитических слов в египетском языке значительно возросло, так как египтянами был заимствован ряд слов для обозначения новых появившихся в обороте чужеземных предметов, как, например, колесницы, коня, оружия, сосудов и т. д., а также ряд синонимов для обозначения уже известных ранее предметов, может быть с некоторыми новыми оттенками (8). В последнем издании словаря Эрмана (9) мы находим уже длинный список семитических слов в древне-египетском языке, достигающий 180 названий, значительное число которых появилось, очевидно, именно в эту эпоху особенно близкого соприкосновения Египта с высокими культурами Передней Азии. На ряду с этим словесным

обогащением необходимо должен был обновиться и измениться и внутренний строй языка, должны были появиться новые формы, новые словосочетания и обороты, наконец, должен был возникнуть новый пышный и разукрашенный, снабженный многочисленными повторениями и отступлениями стиль литературных произведений Нового Царства, очень много заимствовавший как раз из той вавилонской литературы, которая в то время стала известна образованному Египту. Также и в египетской литературе Нового Царства мы наблюдаем новые веяния, объясняемые, очевидно, иноземным воздействием. В «Сказке об обреченном царевице» и в любовной лирике того времени мы замечаем освобождение литературной формы и самого сюжета от старых сковывавших традиций, упрощение рассказа, приближение его к действительной жизни, одним словом—живительную струю здравого реализма, которая хлынула в египетскую литературу, возможно, под чужеземным влиянием (10).

В сфере изобразительных искусств эти явления наблюдаются особенно ярко. Египетская скульптура, рельеф и живопись приобрели большую свободу и простоту форм, сделались менее связанными и с большей легкостью, чем прежде, стали передавать движение. Изображения растительного и особенно животного царства поразительно точно, легко и свободно стали воспроизводить подлинную и неизменную условными формами действительность, несомненно, под влиянием переднеазиатского и эгейского искусства, как это на одном примере блестяще доказал Шефер (11). Дейр-эль-Бахрийские, Фиванские и, наконец, Амарнские рельефы и фрески с поразительной яркостью и ясностью показывают нам это стремительное развитие египетского искусства, приведшее

к замечательным достижениям Эхнатоновского времени. Так же и в орнаменте и в прикладном искусстве мы замечаем сильную струю иноземного влияния, в особенности эгейского, что доказывается тесными торговыми и культурными связями Египта с Критом, откуда египтяне получали в обмен на свои товары и сырье тонкие и изящные изделия эгейской художественной промышленности (12). Высота эгейской техники и изящество пластических форм крито-микенского искусства оказали, конечно, при этом сильное влияние на египетских мастеров и египетское мастерство. Наконец, в музыке и в танцах мы наблюдаем значительное количество чужеродных элементов, пришедших, очевидно, из северо-восточных стран. Появляются новые музыкальные инструменты и новые хореографические формы, вызванные близким соприкосновением с иноземным искусством музыки и пляски (13).

В сфере религиозного творчества в это время мы так же констатируем напряженную, деятельность египетского гения, тоже в некотором отношении поддавшегося иноземным влияниям. Постройка египтянами в Сирии храмов своим богам и ответная постройка иноземцами своих храмов в Египте должны были неминуемо повести к некоему религиозному синкретизму. Под влиянием расширения Фиванской империи и увеличения всего внутреннего духовного кругозора древнего египтянина, главное божество Фив — Амон (см. рис. 2, стр. 39) — стал приобретать черты вселенского и всемирного бога, восприняв некоторые свойства как израильского Яхве, так и хеттского Тешуба, вавилонского Ваала, Мардука и Шамаша и ассирийского Ассура, приобретя благодаря этому двойственный лик и узко-национального, и в то же время

широко-космополитического божества и двойственный характер благого и милосердного бога мирного культурного развития, и в то же время грозного воинственного божества-покровителя фараона и его победоносного войска. Некоторые из этих черт, как мы это увидим ниже, получили свое полное и законченное развитие в идее того единого, вселенского и любвеобильного бога солнечного диска—Атона, которую пытался провести в жизнь Эхнатон. Так же и в самом культе и богослужебном ритуале мы наблюдаем значительное усложнение и обогащение форм, происшедшее, возможно, под иноземным влиянием (14).

В области государственного управления иноземное влияние сказалось меньше, чем в других областях египетской жизни, может быть потому, что Египет с древнейших времен обладал крепкими и стойкими традициями государственного бюрократического управления, выработанными еще в эпоху организации централизованного Древнего Царства. Однако же и здесь во внешнем этикете придворной жизни мы замечаем некоторое усложнение и чисто восточную, азиатскую пышность внешних форм показной государственной жизни, за которой скрывался громоздкий и сложный чиновничий аппарат, приспособленный к новым административным потребностям разросшейся империи и всех тех вновь присоединенных к ней областей, которые входили в ее состав, образуя ее своеобразное колониальное окружение. Кроме того в организации постоянного войска, в появлении новых видов оружия, колесницы и коня и в развитии сложного искусства сухопутных и морских сражений, а также фортификационного дела мы наблюдаем несомненное влияние тех азиатских воинственных племен: гиксов, хеттов, митанни, ассирийцев

и финикийн, с которыми египтяне вступили в тесное соприкосновение во время своего владычества в Сирии, на Ефрате и на берегах Средиземного моря.

Более значительное иноземное влияние испытали на себе египетские торговля и промышленность и связанная с ними организация государственных и общественных финансов, одним словом, весь экономический строй древнего Египта. Финикия, Эгейские острова и Вавилон, державшие в то время в своих руках всю мировую морскую и сухопутную торговлю, конечно, превосходили в этом отношении своим опытом и своими обширными торговыми связями более отсталый и более замкнутый Египет, продолжавший жить в исконных формах натурального хозяйства. Втянувшись в свою очередь в этот широкий торговый кругооборот, Египет заимствовал у своих более передовых экономических конкурентов сложные формы торгового обмена и стал по их образцу организовывать крупные речные, морские и караванные торговые экспедиции, из которых самой крупной была экспедиция в Пунт, предпринятая при царице Хатшепсут, отчет о которой начертан на стенах знаменитого Дейр-эль-Бахрийского храма (15). В эту крупную внешнюю торговлю были постепенно вовлечены значительные государственные, общественные и частные капиталы, что еще более увеличило ее масштаб.

На ряду с египетской торговлей значительному иностранному воздействию подверглась египетская промышленность, воспринявшая новые высокие технические формы, заимствованные у новых соседей, достигших значительных успехов в развитии своей экономической жизни. Полученные путем торгового обмена иноземные фабрикаты естественно возбуждали интерес египетских промышленников и невольное

подражание этим высоким образцам иноземной техники.

Больше всего развились в этом отношении в Египте текстильное дело, керамика и металлургия, ставшие в сильную зависимость от Вавилона, Ассирии, Финикии и стран Эгейского моря. Наконец, усилившийся рост торговли и промышленности неминуемо вел за собой усложнение финансовой организации, на которой опять-таки сказалось сильное влияние иноземных образцов, среди которых на первом месте стоял всемирный банкир и казначей — Вавилон. Именно у него Египет заимствовал те тонкие формы денежного хозяйства, кредит и бухгалтерию, без которых немыслима какая бы то ни была широкая внешняя торговля, опирающаяся на собственную развитую промышленность и существование которой мы поэтому можем предполагать в Египте. Очевидно, под тем же вавилонским влиянием стали образовываться в Египте крупные храмовые капиталы, на которых в значительной степени базировались военные и торговые экспедиции фараонов 18-й династии. Наконец, и прежнее податное устройство стало под тем же самым вавилонским влиянием постепенно принимать облик настоящей финансовой организации. Одним словом, экономическая жизнь Египта, развиваясь и расширяясь одновременно с расширением Фиванской империи, стала испытывать на себе сильное влияние экономически развитых государств Переднего Востока и Средиземного моря.

Некоторые черты иноземных влияний наблюдаем мы и в сильно изменившейся египетской общественности того времени. Изменился даже самый внешний облик египтян. Прежняя скромная одежда, традиционно сохранившаяся от древних времен и заключающаяся в корот-

ком переднике для мужчин и прозрачной облегающей тело одежде для женщин, сменилась пышным длинным складчатым азиатским одеянием, торжественно драпирующим всю фигуру человека, а маленький старый парик уступил свое место сложным нагромождениям из фальшивых волос, также заимствованным из Азии. В равной мере изменился и внутренний, духовный, психологический облик египтянина. Новые завоевания, расширившие пределы страны, столкновения с новыми племенами и странами, усложнение и утончение внешней жизни сильно повлияли на психику человека. Расширившийся географический горизонт мощно раздвинул суженные границы его духовного кругозора. Египтянин почувствовал себя не только жителем узкой и замкнутой Нильской долины, но и гражданином вселенной в полном смысле этого слова. Освободив свой дух и свое тело от прежних сковывавших их национальных традиций, он неизбежно поддался влиянию утонченной, сложной и изнеженной культуры Передней Азии, мощно воздействовавшей на весь склад его психики. Египтянин эпохи 18-й династии далеко отстоит от своих предков не только Древнего, но и Среднего Царства, — и только на этой почве могло возникнуть то изумительное дело, вырасти тот замечательный ароматнейший цветок, которым действительно является реформа Эхнатона. Иноземные влияния не столько воздействовали на самую реформу, сколько подготовили для нее почву, сделав ее возможной, реальной и осуществимой, лишив ее однако тем самым прочных корней в исконной национальной культуре.

Такова в общих чертах та причинная связь внешних исторических событий, которая привела в своем результате к реформе и которая, как мы это видели, состояла из четырех крупных звеньев:

Рис. 2. ФИВАНСКИЙ БОГ АМОН.

Берлинский музей..

1. изгнания гиксов,
2. расширения Фиванской империи,
3. вовлечения Египта в круг переднеазиатских и средиземноморских держав и
4. влияния иноземных культур на Египет.

Но на ряду с этими внешними причинами мы наблюдаем в процессе подготовки Амарнской реформы также и ряд внутренних органических причин, которые непосредственно воздействовали на проведение реформы и потому оказали на нее более сильное влияние, чем описанные выше внешние причины. Однако, как мы это увидим ниже, эти внутренние факторы Амарнской реформы еще не достигли высшей точки своего развития, еще не созрели окончательно для выполнения того крупного дела, для которого они были предназначены в тот момент, когда волей одного лица мерный ход исторического развития получил мощный толчок, и насильственно была проведена грандиознейшая реформа, не имевшая к тому времени достаточно глубоких корней в толще египетского народного сознания. В этом заключается оригинальность, необычность и в то же время причина гибели Амарнской реформы.

**Цель
внутрен-
них при-
чин.**

Внутренние органические причины Амарнской реформы слагаются, с одной стороны, из внутренней политики фараонов 18-й династии, с другой же стороны— из того внутреннего политического, экономического, социального и религиозно-культурного строя, который создался в Египте к тому времени. По сравнению со строго последовательной внешней причинной связью, эта внутренняя цепь событий и состояний отличается разнообразием, разнородностью и сложностью, что часто препятствует приведению ее в стройный, систематический вид. Однако попытаемся хотя бы в об-

щих чертах охарактеризовать это внутреннее состояние Египта в середине второго тысячелетия до начала нашей эры, которое служило преддверием к Амарнской эпохе. Только тогда мы сможем с полным правом приступить к изучению самой реформационной эпохи, и в первую очередь гениальной личности реформатора на троне — Эхнатона.

Первым звеном в цепи внешних причин явилось изгнание гиксов, иначе говоря — первый крупный военный успех египтян, положивший начало широкой завоевательной политике 18-й династии. Вызванный с одной стороны взрывом национального гнева против вековых притеснителей и общим подъемом национального самосознания, о чем мы будем говорить в конце этой главы, с другой стороны, этот первый военный успех египтян в эпоху Нового Царства был обусловлен новой организацией войска и новой постановкой военного дела в стране. Воинственные кочевники и завоеватели — гиксы, стоявшие в военном отношении значительно выше египтян, очевидно, многому их научили, ибо в эпоху Нового Царства мы видим в Египте сложную и разработанную военную организацию, следы которой мы лишь отчасти находим во времена более миролюбивых фараонов Среднего Царства. Египет же Древнего Царства, как то видно, например, из надписи Уны, видного государственного деятеля времен шестой династии, не знал ни постоянного войска, ни разделения его на воинские части или точно определенные роды оружия, ни какой-либо другой военной организации. В случае военной нужды, по всей стране собиралось военное ополчение, состоящее из простых мирных жителей, кое-как вооруженных, и подкрепленное союзными племенами, главным образом нубийскими. Вся эта разношерстная

Организация военного дела.

воинская громада отдавалась под начальство одному какому-либо лицу, которое даже не всегда было знакомо с военным делом, как, например, гражданскому чиновнику и писцу — Уне, пользовавшемуся неограниченным доверием фараона.

Также не видим мы в то время того образцового вооружения, той высокой металлургической техники и, наконец, той изощренной стратегической и тактической выучки, которыми может похвалиться Фиванская империя 18-й династии, создавшая постоянное войско с кадровым офицерством и с высоким кастовым военным духом.

Организация постоянного войска является, конечно, абсолютно необходимой во всяком государстве, ведущем широкую завоевательную политику, и, действительно, такое постоянное войско мы находим в Египте времен 18-й династии. Только при существовании такого постоянного войска возможны и мыслимы те непрерывные походы, которые велись на всех границах империи почти одновременно, те 17 блестящих кампаний, которые за 20 лет своего царствования с таким успехом провел Тутмос III. Мало того, что было образовано постоянное войско, оно было закалено в непрестанных боях, разделено на точный ряд военных единиц и снабжено прекрасным и разнообразным вооружением, что делало его победоносным и непобедимым, обеспечивая полный боевой успех во всех столкновениях со врагом. Египетское войско в то время, как мы можем судить по сохранившимся изображениям, делилось приблизительно на три группы или рода оружия: на легко-вооруженную пехоту, на тяжело-вооруженную пехоту и на колесницы. На Амарнских рельефах мы видим эту пехоту, которая в первом случае вооружена луками или

копьями, а во втором копьем и топориком, а также большим длинным щитом, закрывавшим почти все тело воина (16). Такое же вооружение египетской пехоты того времени мы видим на рельефах Дейр-эль-Бахрийского храма, где в противоположность быстро-движущимся живым фигурам Амарнского рельефа тяжело-вооруженные воины образуют сплоченную фалангу наподобие древне-греческих гоплитов(17). Наконец, колесница и конь являются, очевидно, прямыми иноземными заимствованиями, удачно приспособленными к общему уровню египетской культуры. Легкая, маленькая и подвижная двухколесная колесница с возничим и воином, вооруженным дротиком и луком, являлась теперь необходимой частью египетского войска, заменяя для него всецело позднейшую кавалерию. Изображения таких колесниц, применяемых для войны, для охоты и просто, как средство передвижения, пестрят на всех рельефах того времени. Отметим лишь здесь хорошо известные изображения сражающихся Сети I и Рамзеса II и менее известное изображение Узерхета, охотящегося на колеснице на диких зверей, относящееся ко времени Аменхотепа II (18). Амарнские рельефы постоянно изображают нам Эхнатона, стоящего на колеснице вместе со своей женой Нофретити (см. рис. 6, стр. 75), наконец, образец такой колесницы, сделанной из дерева, бронзы и кожи и прекрасно сохранившейся до нашего времени, был найден в Египте и хранится в Археологическом музее во Флоренции. (19).

Это сложное воинское вооружение, естественно, требовало соответственно высокого развития оружейного дела и металлургической техники. На любопытных фресках из гробницы Менхеперра-Снеба эпохи Тутмоса III (1475 до начала нашей эры) мы видим целую

мастерскую оружейных мастеров, приготовляющих луки разных фасонов и целый набор стрел к ним (20). До нашего времени сохранились такие древне-египетские луки, образцы которых можно видеть в Московском Музее Изящных Искусств (лук царевича Амени). В той же гробнице Менхеперра-Снеба мы находим сцены, изображающие нам работу египетских кузнецов и показывающие всю высоту металлургической техники (21). Таким образом, египетская промышленность, развиваясь в уровень с военным делом, давала ей необходимый военный материал в виде всякого рода воинского вооружения и снабжения. На ряду с оружейным делом стояло и интендантское дело, ибо войско нуждалось не только в оружии, но и в провианте и обмундировании. Прекрасная продовольственная организация прежнего времени была в эпоху Нового Царства приспособлена к новым военным нуждам, и на фресках того времени, как, например, в гробнице Аменемхеба, эпохи Тутмоса III, мы уже видим сцены подсчета воинов и выдачи им провиантского довольствия с соответствующими надписями (22).

Хорошо вооруженное и хорошо снабженное всем необходимым, египетское войско было также хорошо обучено и подготовлено к своей боевой деятельности. На всех изображениях того времени мы видим симметричные ряды воинов, то медленным, то быстрым шагом, то почти бегом, в ногу, размеренно и правильно, подвигающиеся вперед, к указанной цели. Руководство этими войсками предоставлено было корпусу обученных и опытных офицеров, поставивших на значительную высоту фортификационное дело, тактику и стратегию того времени. Рассказ о битве при Мегиддо, сохранившийся в анналах Тутмоса III, высеченных на стенах большого Карнакского храма Амона,

свидетельствует нам об этом с достаточной полнотой и ясностью. Наконец, путем целой системы воинских наград и отличий, среди которых нам известны «Золото Храбрости» и «Золото Похвалы», путем возбуждения воинского соревнования и воинской гордости, был создан тот профессиональный кастовый воинский дух, который главным образом помогал египетским фараонам 18-й династии совершать свои изумительные походы и завоевания. Все это естественно вызвало сильный подъем национального самосознания и национальной гордости, ибо всякий народ всегда гордится своим войском, которому он отдает весь цвет и всю красоту своего юношества и своих молодых поколений. Это развитие военной организации, с другой стороны, вызвало соответствующее развитие и усложнение государственного бюрократического аппарата, о котором я буду говорить ниже. Наконец, этот же самый факт все растущей воинственности и все поднимающейся волны милитаризма вызвал ответную волну реакции и протеста против бесконечных вооружений и походов, которая выразилась в мирной культурной политике и реформе Эхнатона и в его проповеди вселенского интернационального мира.

Усложненная военная организация, расширение пределов страны, администрация покоренных областей, превращенных отчасти в колонии, а отчасти в вассальные государства, наконец, дипломатические сношения с соседними странами — все это вызвало соответственное усложнение бюрократического государственного аппарата, выразившегося, главным образом, в мощной централизации власти и управления. Вся власть сосредоточилась в руках всемогущего фараона, истинного Сына Солнца, получившего, благодаря своим завоеваниям, крупные материальные ресурсы, что

Государственно-управление.

в свою очередь позволило ему обзавестись пышным двором и грандиозным бюрократическим штатом, строго вышколенным и дисциплинированным, исполнявшим слепо волю своего владыки и державного монарха, иногда приобретавшего черты просвещенного восточного деспота, которым в конце концов и был, по остроумному замечанию Адольфа Эрмана (23), Эхнатон. Во главе всей армии чиновников еще с эпохи Древнего Царства стоял визирь, самое приближенное к фараону лицо, облеченное его высшим личным доверием и в силу этого державший в своих руках все нити управления страной. Ко времени Нового Царства, в виду необычайного расширения пределов страны и усложнения бюрократического строя, а может быть с целью ослабить власть визиря, которая, слишком централизованная, становилась опасной даже для самого фараона, должность визиря была поделена в территориальном отношении между двумя лицами, сохранившими старый титул визиря. Визирь севера пребывал в Гелиополе, а визирь юга, преемственно получивший свою власть из рук того должностного лица, которое в эпоху Древнего Царства носило титул Начальника Юга, по-египетски — Мэр рэс, имел свое местопребывание в Фивах, главной столице государства, что, конечно, особенно приближало его к священной особе фараона. В гробнице Рехмира, бывшего южным визирем, сохранилась интересная надпись, полно и обстоятельно перечисляющая все обязанности этого главы египетского чиновничества, нечто вроде официальной инструкции (24).

Из нее мы видим, что визирь сосредоточивал в своих руках как все центральное, так и все местное управление. Ему принадлежала высшая юрисдикция по всем вопросам, включая даже экстраординарные

дела, что делало его главой судебного ведомства. Он являлся также и начальником финансового управления, наблюдая за всеми поступлениями в государственную казну и скрепляя своей печатью все расходные документы. Главный казначей являлся к нему с докладом, и ответный доклад ему визиря был, очевидно, лишь актом официальной вежливости. Область военного управления также входила в круг его обязанностей; он следил за набором войска, за его организацией, снабжением и передвижениями воинских частей по стране. Личная охрана фараона была подчинена ему. Он наблюдал за состоянием всех крепостей, — таким образом, вся вооруженная сила в стране во время мира была ему непосредственно подчинена. Наравне с войском подчинены ему и морские силы страны, государственный флот, очевидно, как военный, так и торговый. Все центральное административное управление находилось в его руках, перед своим докладом фараону он принимал доклад всех высших должностных лиц, торжественно заседал в своей приемной зале. Местное управление, сельское хозяйство, землеустройство, межевое дело, заботы о водоснабжении, т.-е. регулирование Нильских разливов, имевшее такое громадное значение для всей экономической жизни Египта, лесное хозяйство и даже высшая нотариальная власть входили в круг его обязанностей, довольно точно и подробно очерченный надписью в гробнице Рехмира. В лице визиря воплощалась, таким образом, суммарная власть египетского чиновничества и верховная воля монарха. Только две области управления ускользают из его рук, оставаясь очевидной прерогативой фараона: управление войсками во время похода и ведение иностранной политики. 18-я династия, воспитанная и выросшая в атмосфере постоянных

войн и походов, неизбежно связанных с тонкой дипломатической игрой, отдала все свои силы войне и внешним сношениям, поручив все остальное центральное и местное управление двум высшим чиновникам: визирям севера и юга. Таким образом, визирям удалось сосредоточить в своих руках высшую власть над страной, организовав для этого сплоченные и дисциплинированные кадры многочисленного чиновничества.

Самый порядок бюрократического управления был разработан до самых мелочей. Присутственные места открывались и закрывались в строго определенные часы. В точно указанное время, при торжественной обстановке, чиновники делали доклады своим начальникам. Все делопроизводство велось на бумаге, вернее на папирусе, который в то время заменял бумагу и являлся главным писчим материалом; «всякая просьба должна быть изложена письменно, не дозволяется просить устно» (25)—гласит бюрократический регламент того времени. На рельефах и фресках мы постоянно видим согбенные спины писцов, неумоимо пишущих на своих табличках или папирусах. Карьера писца становилась завидной и прибыльной, она сулила в будущем блестящую карьеру и перспективу высоких придворных должностей. Так слагался постепенно тот чиновничий Египет, который поражал всех иностранцев в течение долгого времени своей стройностью, слаженностью и своим динамическим ритмом в работе.

В покоренных областях Сирии и Финикии фараоны обычно оставляли на местах прежних туземных царей и князей, помазуя их своим елеем и давая им власть из своих могущественных рук. Египтянам была важна дань, и они готовы были оставить у власти

в завоеванных странах прежних potentатов при условии их полного подчинения и исправного платежа ими наложенной на них дани. Но все же для наблюдения за ними кое-где были оставлены и египетские чиновники, служившие осведомителями фараона о положении дел в Сирии, надзирателями за правильностью внесения дани и высшими представителями египетской власти в стране. В их распоряжении были разбросанные по стране крепости с египетскими гарнизонами, которые вооруженной силой поддерживали этих иноземных чиновников, своего рода наместников фараона в завоеванной стране.

Все это усложнение государственного управления, вся эта централизация и концентрация власти в руках дисциплинированного чиновничества необычайно усилили реальную власть фараонов 18-й династии, приблизив их к их неограниченным в своей власти предкам времен Древнего Царства, к великим строителям тех грандиозных пирамид, которые все еще непоколебимо высились, как вечные символы безграничной и божественной царской власти. С другой же стороны, полученные путем завоевания целого ряда новых областей колоссальные материальные средства обеспечили фараонам главенство и в экономической жизни страны, сделав их инициаторами, как мы это увидим ниже, крупнейших торговых экспедиций того времени. Таким образом, в руках фараона сосредоточилась та колоссальная власть над жизнью, имуществом и даже душой своих подданных, которая в значительной степени облегчила возможность Эхнатону смело, быстро и решительно провести в жизнь ту крупную реформу, которая медленно назревала и которая его могущественной волей была дарована египетскому народу.

Экономический расцвет.

Экономическое развитие Египта в эпоху Нового Царства шло не менее быстрым и энергичным темпом, чем его государственно-политический рост. За это время Египет из отсталой и запустелой страны времен глубокой внутренней смуты и иноземного, гиксосского владычества превратился в цветущую и богатую державу, шедшую во главе всего мирового экономического движения. Местная и внешняя торговля, ремесла и промышленность, наконец, развитие финансовой организации — вот отдельные стороны хозяйственной жизни древнего Египта, которая в то время составляла значительную и неотъемлемую часть древне-египетской культуры. Конечно, наибольший толчок в эпоху Нового Царства получила в Египте его внешняя иностранная торговля. Вовлеченный в круг крупных мировых переднеазиатских и средиземноморских культур, Египет должен был волей-неволей приобщиться к тому мировому торговому обмену, во главе которого стоял Вавилон. А конъюнктура для Египта была в то время чрезвычайно удачной и выгодной, ибо Египет вступал в мировую торговлю не как покоренный или вассал, а как победитель, завоеватель и сюзерен, опирающийся на победоносное войско, на богатые колонии на юге, на крупные материальные ресурсы, на неистощимые запасы живой силы и обеспечивая своими собственными войсками свои новые торговые пути. Таким образом, между Сирией, Финикией, Вавилоном и другими державами тогдашнего культурного мира, с одной стороны, и Египтом, с другой стороны, завязываются прочные мирные экономические связи. Египет вывозит из Сирии, главным образом, продукты сельского хозяйства и сырье, необходимые для своего населения, для его питания и для развития своей промыш-

шенности, что способствует превращению Египта в крупное индустриальное государство, а затем те фабрики и продукты промышленности, которые являются специфическими для Передней Азии. Продукты эти состоят из пшеницы в зерне и муке, ладана, меда, древесного и иного масла, плодов, овощей, вина, пива, быков, коров, лошадей, коз, овец и всяких продуктов скотоводства, лекарственных растений, смол для бальзамирования, крупного строевого и мачтового леса, среди которого, очевидно, видное место занимал ливанский кедр, слоновой кости, малахита и излюбленного камня древних египтян — лапис-лазури. Из продуктов местной промышленности следует указать на драгоценные металлические вазы, на металлическую посуду и всякого рода изделия роскоши; но это лишь редкие исключения; гораздо чаще в списках товаров и дани встречается упоминание колесниц и разного оружия. Затем в большом количестве шли из Сирии в Египет металлы: золото, серебро, медь, бронза и свинец, в виде слитков, денег, посуды, изделий или, наконец, оружия, что особенно ценилось в Египте во времена воинственных Тутмосов и Аменхотепов. Последней статьёй в этом длинном списке товаров, вывозимых Египтом из Сирии, являются рабы. Из Вавилона египтяне вывозили металлическую посуду и лапис-лазурь, как настоящую, так и искусственную, и целый ряд товаров, шедших через Вавилон транзитом. Ассирия поставляла лапис-лазурь, разноцветную каменную посуду, лошадей и дерево; Нахарина—рабов, лошадей, мелкий скот, масла, благовония, фрукты, овощи, золото и серебряную посуду; Великая Хета—золото, серебро, драгоценные камни и дерево; Кипр и Крит—серебро, медь, свинец, металлическую и иную посуду,

лапис-лазурь, слоновую кость и дерево; Вават и Куш (северная и южная Нубия)—рабов, скот, золото, слоновую кость, черное дерево, страусовые перья, шкуры пантер и всякие продукты земледелия и скотоводства, а самая южная область, входившая в круг египетского торгового обмена и лежавшая на юго-восточном берегу Африки близ теперешнего Сомали или на юго-западном побережье Аравии, на месте современных Йемена и Геджаса, и носившая у древних египтян название Пунт или страны богов—Та Нетер,—вывозила в Египет: рабов, скот, мирру, благовония, смолы, золото, посуду, слоновую кость, черное дерево и шкуры пантер. Наконец, в виде предметов особой изысканной роскоши для царского дворца и богатых вельмож вывозились с юга ценные породы дерева, диковинные животные тропической Африки и карлики, исполнявшие в Египте с древнейших времен, как то мы знаем из письма Хирхуфа (26), особые священные танцы в храмах и дворцах фараона.

Большинство из этих продуктов попадало в Египет в качестве дани с покоренных областей, остальная же часть поступала как результат торгового обмена. Египтяне при этом старались, конечно, извлечь максимальную пользу для себя, получая наилучшие продукты соседних стран. Так, например, мы знаем, что финикийское вино славилось по всему древнему миру, а ливанский кедр вошел в пословицу, как лучшее строевое дерево, в котором особенно нуждался безлесный Египет.

Все эти разнообразные и многочисленные товары шли в Египет как сухим караванным, так речным и морским путем. Этот последний способ крупных торговых перевозок на достигающих значительных раз-

меров весельных и парусных судах получил в эпоху Нового Царства большое развитие, ярким свидетельством чего является знаменитая торговая экспедиция в Пунт, предпринятая царицей Хатшепсут, отчет о которой начертан на стенах Дейр-эль-Бахрийского храма и снабжен многочисленными, художественно исполненными фресками и рельефами (27).

Некоторое представление о Нильских транспортных судах может нам дать изображение шести таких кораблей, нагруженных всякими товарами, которые находятся в гробнице правителя Эфиопии Эйе во времена Тутанхамона (28). Наконец, в гробнице Хаемхета мы видим изображение целого многочисленного и уже снаряженного египетского флота, стоящего, очевидно, в гавани и готового к отплытию (29). Вся эта внешняя торговля, широкая по своему размаху, находилась, главным образом, в руках правительства и давала ему поэтому большую коммерческую прибыль, что наряду с увеличением его политического значения и власти давало ему также и экономическое преобладание в стране.

Как мы уже указали выше, такая значительная внешняя торговля должна была с одной стороны опираться на высоко развитую местную промышленность, с другой же стороны давать ей необходимое сырье. Такое наше предположение целиком оправдывается при ознакомлении с источниками. На памятниках того времени мы находим изображения самых разнообразных производств: металлургического, керамического, текстильного, стеклянного, производства пищевых продуктов, оружейного, деревообделочного, мебельного, ювелирного, сапожного и многих других. Особенно любопытными являются для нас в этом отношении стенные изображения в гроб-

нице Рехмира, в Шейх-абд-эль-Гурне близ Фив, где мы находим целый ряд картин из жизни египетских рабочих и ремесленников, дающих нам полное и яркое представление о египетской промышленности времен Нового Царства (30). Все это показывает нам, какой разветвленной и многообразной была египетская индустрия, прекрасные образцы которой в виде изящной мебели, тонких ювелирных изделий, изумительной керамики и тканей самых разнообразных сортов дошли до нас в громадном количестве, наполняя собою египетские отделы музеев Старого и Нового Света.

И торговля, и промышленность в своем неуклонном развитии влекли за собой соответственный рост финансовой организации, сконцентрированной в государственном казначействе. Дань с покоренных областей, поступающая как натурой, так и в драгоценных металлах, и доходы с крупных коммерческих и промышленных предприятий, наконец, подати и налоговые сборы, взыскиваемые с самого египетского населения, составляли приходный бюджет казначейства, главными расходными статьями которого были в то время войны, содержание и снаряжение войска, содержание двора и чиновничества, поддержание в порядке оросительной сети и, наконец, широкая строительная политика, упорно проводимая фараонами 18-й династии, может быть с целью помещения вновь полученных путем войн крупных капиталов, а может быть, чтобы прийти на помощь пауперизованному населению. Но все же в общем страна богатели и украшалась за счет тех колоссальных ценностей, которые текли в нее со всех сторон. Конечно, сам финансовый аппарат того времени значительно усложнился в при-

менении к сильно развившейся внешней торговле и промышленности страны, постепенно заменяя старые исконные формы натурального хозяйства более новыми, тонкими и гибкими формами денежной организации.

Но на ряду с центральным правительством в процессе этого экономического роста страны росла и формировалась новая социальная сила в лице жречества. Храмовое хозяйство достигло ко времени Нового Царства значительного развития: при храмах были многочисленные ремесленные и промышленные предприятия, большие земельные угодья, храмами нередко снаряжались крупные торговые экспедиции, наконец, благодаря крупным пожертвованиям фараонов и частных лиц, в храмах сосредоточились крупные денежные капиталы (см. рельеф гробницы Ипу-Им-Ра, на котором изображено взвешивание золота, поступившего в фиванский храм Амона (31)), дававшие жречеству право на одно из первых мест в египетской торгово-промышленной и финансовой среде. На ряду с писцом, чиновником, воином, торговцем, промышленником и финансистом появляется видная фигура жреца, ведущего не хуже мирянина свои мирские дела. А сплоченность, организованность и дисциплинированность жречества и объединяющий его единый кастовый дух делали из него крупную и заметную социальную силу в египетском обществе. Ближайшее окружение фараона, состоящее из его сподвижников и боевых товарищей, его военная дружина, его верное войско, высшее офицерство, состоящее из лиц, пользующихся наивысшим его доверием, конечно, косо смотрело на это несправедливое на их взгляд обогащение мирного жреческого сословия, не участвовавшего непосредственно в завоевании

Социальная
борьба.

новых областей и поэтому непричастного к получению тех материальных выгод, которые из этого проистекали. А вслед за военным сословием ополчилось против жречества и то чиновничество, тот бюрократический аппарат, который концентрировался во дворце и окружал монарха тесным кольцом присутственных мест. Наконец, сам фараон, подстрекаемый этими двумя недовольными возвышением жречества сословиями, уяснил себе, очевидно, всю ту опасность, которая грозила его божественной власти со стороны тех, кто владел умами и душами населения, располагая в то же время крупнейшими материальными ресурсами. А так как во главе египетского жречества стоял в то время грандиозный храм Амона в Фивах со своей могущественной жреческой коллегией, то естественно, что первые удары обрушились на него и на все подчиненное ему фиванское жречество. В этой острой социальной борьбе чиновничества и войска против жречества заключается одна из причин Амарнской реформы, ставшей действенной в тот момент, когда Аменхотеп IV, принявший впоследствии в честь нового божества новое имя—Эхнатон (прим. 1), со всей силой своего державного авторитета обратился против фиванского жречества и всесильного Амона, установив новую религию Солнечного Диска—Атона—и объявив себя его первосвященником, пророком и возлюбленным сыном, как то мы читаем в его гимнах Солнцу.

Рели-
гиозное
разви-
тие
гипта.

Но центральная внутренняя причиной Амарнской реформы является все-таки развитие религиозного сознания древних египтян, ибо реформа Эхнатона была более всего окрашена в яркий религиозный тон. Все внешние и внутренние причины, описанные нами выше, создали лишь удобные условия для проведения

Рис. 3. АМЕНХОТЕП IV в первые годы своего царств. Лувр.

этой реформы, которая все же в конечном счете коренилась в эволюции религиозного мировоззрения народа, преломленного в талантливой душе Эхнатона. Поэтому мы склонны отрицать, что Амарнская реформа была навязана Египту, как это утверждают некоторые исследователи (32), и полагаем, что она лишь несвоевременно ускорила то, что бесосознательно назревало в душе древних египтян в результате тысячелетнего религиозного творчества. Солнечный культ, связанный с обожествлением солнца, был исконным в Древнем Египте, и мы не находим в истории такого момента, когда этот культ был бы неизвестен древним египтянам. Палящий солнечный диск, дававший стране жизнотворную силу и вечно сиявший над жителями Нильской долины, казался им стихийным божеством, извека существующим и повелевающим всем сонмом светлых богов. Под разными именами обоготворялось солнце в древнем Египте, во многих и многих его городах воздвигались ему алтари и возносились жертвы его верными почитателями. Воистину, египтяне были солнечным народом, а вся долина — солнечной страной. Но крупнейшими и известнейшими местами этого солнечного культа были следующие города.

Во-первых, Эдфу в Верхнем Египте, где почитался крылатый солнечный диск под именем Гора, тесно связанный с богом-Соколом, покровителем царской власти, может быть, древним тотемным символом того клана, который некогда вышел из Центральной Африки и завоевал оба Египта (33). С другой стороны, солнечный Гор в ином своем лике являлся сыном благого Нильского бога Озириса, отмстителем своего отца, победителем над темным богом мрака, песка и пустыни Сетхом, героем древне-египетской

мифологии. Все эти три образа Гора уже в древности смешались и спутались, и мы нередко видим одновременно Гора, как покровителя царской власти, как сына Озириса и победителя дракона, как Сокола, увенчанного Солнечным Диском, как бога магических заклинаний, «творящего магическую защиту царя во дворце его», как «Гора на крокодилах» в роли магического талисмана и, наконец, как покровителя оправданной души покойного в загробном мире перед престолом его отца и судьи мертвых—Озириса. Но в данный момент для нас интересен, конечно, только солнечный Гор со своей эмблемой крылатого солнечного диска, отчасти соединенной с эмблемой и обликом Сокола. Этот Гор имеет свое особое отличное название Горахте—Гора двух горизонтов, ибо это он утром восходил в изумрудных и розовых лучах востока, пробуждая всю землю, всю природу и всех людей к дневному труду, ибо это ему солнечные павианы при его восходе возносят свои хвалебные песни, ибо он же заходит на западном горизонте, погружая весь мир в непробудный сон и мрак (34).

И так сильно внедрился этот культ Гора в религиозное сознание древних египтян, что даже смелый реформатор Эхнатон не мог отрешиться от него и был принужден его отождествить со вновь введенным культом солнечного диска—Атона. Больше того, новая религия в значительной степени зависела от этого древнейшего египетского культа, отчасти заимствовав у него его символы и эмблемы, его название и многие идеи, выраженные в его гимнах.

Вторым, может быть, величайшим духовно, солнечным культом в древнем Египте был культ бога Ра, чье имя в буквальном смысле обозначало солнце и в письме изображалось кружком с точкой посередине.

Ра, старейший из богов, глава египетского пантеона, бог творец и создатель мира, бог промыслитель, исполненный любви к созданному им миру и людям, его населяющим, обоготворялся в городе Нижнего Египта по имени Он, получившем у греков название Солнечного Града—Гелиополя. В царствование пятой династии, сменившей великих фараонов, строителей пирамид, и достигшей власти, очевидно, при содействии влиятельной и мощной жреческой коллегии Гелиополя, культ Ра получил особенно широкое развитие по всей стране и достиг своего высшего расцвета в самом Гелиополе, став государственной религией. Храм, раскопанный немецкими археологами в Абу-Гурабе и построенный фараоном пятой династии Неусерра обнаруживает все своеобразные черты этого древнего чистого культа солнца, как первородной мировой стихии. Храм Неусерра отличался строгой, классической простотой, и единственным символом и видимым изображением обоготворяемого в нем солнечного божества был грандиозный обелиск, древнейший и излюбленный символ египетской религии, изображающий, возможно, хтоническую силу земли, воспринимающую в себя творческую и зиждительную силу солнечного, здесь окаменевшего, луча. Может быть, этот обелиск и был тем столбом бен-бен, о котором говорят позднейшие тексты, помещая его жилище, «дом столба бен-бен», именно в солнечном городе Гелиополе. Близ этого обелиска находилась просторная открытая площадка, нечто вроде открытого алтаря, где перед обелиском, быть может, совершались жертвы солнечному богу. К этому алтарю вел крытый полутемный ход, снабженный лишь несколькими отверстиями в потолке, слабо пропускавшими скудный верхний свет. Подымаясь снизу из часовни

по этому темному коридору, молящийся невольно проникался трепетом и страхом перед силой извечного мрака и смерти; когда же он сразу вступал на высокую открытую площадку перед обелиском, всю залитую лучами молодого и яркого восходящего солнца, и перед ним открывался на запад широкий вид на грозную и темную, безмолвную и мертвую пустыню, а на восток на величавую реку, сияющую в солнечных лучах, восторг сжимал его сердце и заставлял его возносить хвалу вечному создателю и промыслителю вселенной.

Этот ослепительно прекрасный и совершенный в своей строгой чистоте и простоте культ Гелиопольского Солнца в значительной степени повлиял на религию Атона, провозглашенную его юным пророком и царем. Здесь мы видим ту же очищенную простоту религиозного восприятия, освобожденную от древних мифологических оков, тот же открытый перед солнечными лучами алтарь и ту же близость к трепетной жизни природы, которая сближает стенные изображения крытого Абу-Гурабского храма (35) с Амарнскими фресками (см. рис. 10) и рельефами и неповторяемыми строками Атонова гимна. Наконец, самое имя гелиопольского бога Ра, соединенное с именем древнего бога восходящего солнца Горахте, в своем типическом облике Ра-Горахте, что значит Ра-Гор двух горизонтов, являлось официальным именем нового бога Атона и стало помещаться во всех гимнах и молитвах Амарнского времени, дав тем самым новой вере всю ту скрытую мистико-магическую силу, которая по взглядам древних египтян таилась в сокровенном и непроизносимом имени божьем.

К этим двум основным ипостасям солнечного бога присоединялись в древности еще два его лика:

Хепер, бог вечного становления и движения, изображительным и иероглифическим символом которого являлся навозный жук, катящий, как известно, перед собой навозный шарик, что в египетском языке одновременно обозначало и глагол «быть, становиться». С ним связаны широко распространенные во все времена египетской истории изображения этого жука с соответствующей надписью, так называемые скарабеи, употребляемые в качестве талисманов, которые, нередко снабженные текстом 31-й главы Книги Мертвых, полагались в мумию на место сердца, дабы обеспечить покойному правильный ответ в Зале Обоюдной Истины и посмертное блаженство на полях бессмертия, на полях Иалу. Вторым дополнением к Ра-Горахте был солнечный диск в момент его заката, «устало склоненный старец», величественное солнце, уходящее на покой на западном своем горизонте. Это местный гелиопольский бог Атум, один из обликов вечно меняющегося солнечного божества.

Таким образом, перед нами предстала божественная солнечная четверица богов, четыре ипостаси солнечного бога древнего Египта: Ра-Горахте-Хепер-Атум, с древнейших времен составлявшие важнейшую и неотъемлемую часть египетского пантеона, мощно воздействовавшую на развитие чисто-солнечной религии Атона, освобожденной от всех мифологических и зоолатрических придатков (36).

Наконец, последним воплощением солнечного диска на почве древнего Египта был фиванский бог Амон, баран или овен, обожествляемый здесь местным населением, между рогами которого позднейшая догматика поместила блистающий диск солнца, украшенный царским уреем (см. рис. 2, стр. 39). Покровитель фиванских номархов, Амон, одновременно с образова-

нием Фиванской империи превратился постепенно и незаметно в общенациональное всеегипетское божество. А так как фараоны 18-й династии ознаменовали свою эпоху крупными завоеваниями, значительно расширив пределы египетского государства и выступив впервые в качестве фараонов-воителей, то и бог Амон принял облик грозного воинственного бога, покровителя фараона и его победоносного войска. Когда же Египет, пресыщенный победами и вступивший в число мировых держав, почил на лаврах при блестящем Аменхотепе III, Амон постепенно превратился в мирного бога культуры, с некоторыми чертами вселенского и космического божества. Но так сильна была тяга к древним солнечным божествам, что фиванские жрецы для усиления и узаконения авторитета Амона были принуждены соединить его с древней солнечной четверицей и с его главой—солнечным богом Ра. Так появилось то искусственное богословское соединение, единый правитель Фив и вселенной Амон-Ра, в честь которого фараонами 18-й династии были сооружены грандиозные храмы, а жрецами составлены вдохновенные гимны. Все это, конечно, необычайно усилило власть, влияние и авторитет в стране и народе жреческой коллегии Фиванского храма Амона, которая к тому же, собрав у себя колоссальные материальные средства, стала внушительной политической, социальной, экономической и духовной силой (37).

Вот против этого Амона и восстал гениальный реформатор, Эхнатон, стараясь разорвать нелепое и искусственное на его взгляд соединение звероподобного Амона с чистым и древним солнечным богом Ра. В своем реформационном порыве против всех новых фиванских искажений древнего солнечного культа и против самого фиванского бога Амона, Эхнатон опи-

рался, главным образом, на жречество Гелиополя и на их богословскую систему, одновременно восприняв все те черты вселенскости, всеблагости и космической стихийности, которые он нашел в культе Амона. Таким образом, развитие египетского солнечного единобожия во всех его образах, кончая культом Амона, привело в своем результате к установлению на краткий срок очищенного культа абсолютно вселенского, вечного, стихийного и любвеобильного божества света и солнца, Атона, символ которого—солнечный диск с бесчисленным количеством рук, несущих миру дыхание жизни. Вот заключительный аккорд изумительного развития солярного монотеизма в древнем Египте.

Насколько крепко связана Амарнская религия со всем предшествующим развитием солнечного единобожия и насколько глубоко она в нем коренится, мы легко можем видеть из следующих примеров и сопоставлений:

Так, догмат об изначальном сотворении всего мира Атоном и о его постоянной творческой и зиждущей силе мы встречаем задолго до Эхнатона в молитвах и песнях, посвященных древним солнечным богам, и слова Атоновского гимна:

«Лучи твои охватывают страны, до конца всего, созданного тобою» (38)

несомненно перекликаются с близко напоминающими их словами гимна Амону-Ра, составленного в эпоху Среднего Царства:

«Предвечный, сотворивший небо, создавший землю, создавший море и горы, творец вселенной, — ты озарил землю во тьме, засияв в хаосе...» (39).

Также и в главе 15-й Книги Мертвых читаем мы близкие к этим мыслям строки:

«Тот (Ра), кто создал землю, насколько хватает его солнечный блеск» (40),

и еще в одном гимне Нового Царства:

«Ра!.. Атум!.. Горахте!
Единственный бог, создавший сущее
и сотворивший становящееся для зверя и человека,
(и все) что изошло из его глаза» (41).

Затем одна из главных основ нового учения—понятие о вселенскости божества—также коренится в далеком прошлом религиозного развития древних египтян.

В главе 15-й Книги Мертвых ясно и определенно говорится про бога Ра:

«Ты правишь над всем миром,
И даже боги тебе поклоняются» (42),

а в гимне Амону эпохи Аменхотепа III следующие слова поразительно напоминают слова Атоновой молитвы:

Гимн Амону.
«Каждая страна ежедневно молится при его восходе, его восхваляя» (43).

Гимн Атону.
«Все человечество живет при виде его, вся его страна собирается при его восходе, их руки приветствуют его восход» (44).

Также и вечность бога не является новым догматом, выдвинутым Амарнской религией. Вся до-Эхнатонская египетская религия ярко отражает этот основной религиозный догмат. Так, на одной стеле Нового Царства мы читаем:

«Прекрасно ты заходишь, с радостным сердцем,
На горизонте западной горы
И сияешь там для великого бога (Озириса),
Владыки вечности, Правителя Страны Молчания» (45).

Идеал красоты и совершенства бога, так ярко подчеркнутый Эхнатомом в своем гимне, также находит параллель в предшествующей ему религиозной поэзии: для сравнения привожу соответствующие места:

15-я глава Книги

Мертвых.

«Засияй также и надо мной, дабы я видел твою красоту... Я молюсь перед твоим прекрасным Ликом, когда ты восходишь на горизонте неба, и почитаю Солнечный Диск (Атон)» (46).

Гимн Атону.

«Когда ты встаешь на восточном горизонте, ты наполняешь каждую страну своей красотой. Ты светел и велик, блистающ и высок над каждую страной» (47).

Молитва Атону.

«Атон, прекрасный обликом,
Блистающий в красках.
Глаза обретают жизнь при виде его красоты;
Сердца же—крепость, когда он сияет перед ними» (48).

И близкое к этому понятие любви также пестрит как на надписях Амарнской эпохи, так и в молитвах предыдущего времени. Большой гимн Атону прямо называет его «любеобильным», применяя, впрочем, здесь издавна установленный термин (49).

Далее, один из краугольных камней Амарнской догматики—понятие истины, олицетворенной в образе богини Маат, сидящей женской фигуры с пером, символом легкости и справедливости, на голове, конечно, было характерным и для до-Эхнатовской религии; ярко выраженный в двух словах «живущий правдой», по-египетски «анх ем маат», мы встречаем этот догмат не только в гимнах Атону, но и в молитвах до-Амарнского времени. На одной Берлинской стэле так прямо и говорится:

«Ра... Атому... Горахте. Единственный бог, живущий истиной» (50).

В большом гимне Амону-Ра этот бог назван «Владыкой Истины» (51) и там же дальше: «Справедливый, Владыка Карнака, в этом твоём имени «Творец Истины» (52). Даже самые имена фараонов 18-й династии ярко отражают этот культ Истины: Тутмоса I зовут «Могучий бык, возлюбленный Истиной», а его сына Тутмоса III—Небмаатра, что значит «Владыка Истины-Ра». Наконец, весь исконный цикл верований, культа и ритуала, сконцентрированный вокруг идей загробного возмездия и суда и посмертной жизни насыщен своеобразным культом Истины, которая одна лишь даёт человеку право на вечное блаженство. Только тот человек, который сумеет оправдаться на последнем суде, доказав правильность своей жизни, только тот, кто будет объявлен правым по голосу своему, правогласным, «маа херу», как гласят религиозные тексты, только тот сможет войти в обитель блаженных богов и в ладью солнечного бога Ра.

Все эти примеры можно было бы увеличить до бесконечности. Понятия мира и покоя, пути, близости к природе, радости при виде солнца и ярких его лучей, вдыхания лучистой энергии солнца и, наконец,

слияния с солнцем в благодатных его лучах—все это догматы старой до-Эхнатоновской веры. Даже идея единобожия была уже высказана в большом гимне Амону в следующих словах:

«Извечный бог, создавший сам себя,
...единый господин» (53).

Наконец, религия Эхнатона сохранила и многие пережитки древнейшей религии Египта, как, например, понятие и самый термин правогласия и оправдания, по-египетски—маа херу, загробного мира, магической силы имени, символ солнечного диска и даже самое имя бога—Атон-Ра-Горахте, которое не является, как мы это уже видели, оригинальным и новым изобретением Эхнатона. Однако все эти заимствования из прежней религии ничуть не уменьшают всей яркости, оригинальности и ценности Эхнатоновской реформы, ибо ни в одну эпоху египетской истории все эти догматы не были так удачно скомбинированы вместе, так ярко и талантливо выражены в поэзии и образительном искусстве и так властно проведены в жизнь. Действенность реформы, ее внутренняя ритмика и насыщенность ее солнечной энергией—вот, поистине, ее главные оригинальные и характерные черты, которые ее делают столь любопытной и столь интересной среди других явлений древне-египетской и даже мировой истории.

С религиозным развитием народа тесно связано его обще-культурное, национальное и индивидуально-психическое развитие, поэтому и здесь отчасти мы находим некоторые корни Амарнской реформы. Одновременно с расширением пределов Фиванской империи и выходом Египта на широкую арену мировой истории, умственный и духовный горизонт египтян значительно расширился, вобрав в себя многие элементы

соседних иноземных культур. Египтянин эпохи 18-й династии осознал себя, как представителя великого народа, призванного к исполнению великой миссии на земле, народа богоизбранного и богоносного, стоящего непомерно выше всех остальных земных племен, народов и рас. Крупные завоевания фараонов 18-й династии создали египетскую национальную гордость и пробудили национальное сознание египетского народа, а соприкосновение египтян с соседними народами пробудило в них их общечеловеческое и культурное сознание и представление о едином мире, едином космосе и едином человечестве, управляемом единым, вечным, неизменным, благим и истинным богом. Наконец, этот круг идей необычайно расширил и раздвинул рамки индивидуально-психического сознания египтянина эпохи Нового Царства, пробудив в нем сознание не только члена государства, общества и касты, но и свободной личности, стремящейся к достижению своих самобытных, самостоятельно воздвигнутых идеалов. Это расширение внутреннего кругозора, пробуждение общечеловеческого, национального и индивидуально-психического сознания и, наконец, освобождение личности от старых традиционных оков тысячелетней культуры—все это создало тот новый дух, который явился одной из причин реформы и который мощно веет от всех созданий этого революционного, но гармоничного и солнцем озаренного времени. Наконец, глубже и, может быть, больше всего Амарнская реформа коренится в самой личности ее гениального пророка, фараона и мыслителя Эхнатона.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Эхнатон и его реформа.

**Лич-
ность
Эхна-
тона.**

Памятники Амарнской эпохи хорошо сохранили нам внешний облик Эхнатона, передавая его с обычным для того времени утонченным реализмом, стоящим на грани шаржа и гротеска (см. рис. 4, 5, 6). На них выступает он перед нами хилым, слабым, немощным телом юношей или уже зрелым мужем, с худыми руками, плохо развитым торсом и отвислым животом. Но зато острый подбородок, изящное длинное лицо, худая и длинная шея и глубокие мечтательные глаза сообщают его облику какую-то необычайно чарующую мечтательность, оторванность от земли и устремленность к вышним обителям света, которая так ярко проступает во всем его учении. Так и кажется, что вечно пламенеющий огонь духа сжигает его слабое тело, изнемогающее под тяжестью духовной работы. Действительно, он мог воскликнуть: «Дух бодр, плоть же немощна». В частной жизни Эхнатон выступает перед нами, как верный семьянин, горячо любящий свою жену Нофертити, «прекрасную голосом», «госпожу счастья», «великую любовь», как ее называют памятники того времени (см. рис. 5 и 6), и своих шестерых дочерей. Он постоянно изображает себя в семейном кругу, всегда сопутствуемый

своей женой и своими дочерьми, не только дома во дворце, но и на официальных выходах и при торжественных церемониях. Мы видим его с женой за ма-

Рис. 4. ЭХНАТОН.

Каирский музей.

леньким столиком, он держит на коленях и ласкает своего ребенка (54); на другом рельефе он изображен стоящим, опирающимся на посох и вдыхающим

аромат цветка, подносимого ему его женой (см. рис. 5). Во всех этих незамысловатых и простых картинах ясно выступает теплая семейственность и любовь к домашнему уюту, которые были главными характерными отличиями Эхнатона, как человека повседневной жизни. Но больше того, Эхнатон любил даже на официальных торжествах и церемониях появляться в окружении всей своей семьи, в сопровождении своей «возлюбленной» жены Нофертити и своих шести дочерей. Так, мы постоянно видим его со всей своей семьей, раздающим награды своим приближенным, совершающим жертвоприношение и возносящим молитвы Атону (см. рис. 8), наконец, вместе со своей супругой мчится он на легкой колеснице и на этой же колеснице стоя дарит ей свой царственный поцелуй под лучами благодатного Атоновского Солнца (см. рис. 6). Мы не видим Эхнатона ни в бою, ни на охоте, ни грозным, ни рассерженным; всегда лишь солнечная ясность озаряет его проникновенные, аристократические черты, отражающие в себе вечное пламенение горящего и непотухающего огненного духа. В этом отношении он полностью воспроизвел и воплотил в жизнь тип идеального египтянина, данный нам в морализующих, а особенно в религиозных произведениях предшествующего времени, возвысив и очистив его от всякого земного практицизма и утилитаризма. Может быть, он пытался создать новые формы семейного уклада жизни, освобожденного от всех традиций и условностей глубокого прошлого, давая с высоты престола своим подданным образец высоко чистой и нравственной семьи. Но все же подозревать искренность его намерений и его семейных чувств мы не имеем никаких оснований, зная его правдивость и честность. Эти два

Рис. 5. ЭХНАТОН и НОФРЕТИТИ.

Берлинский музей.

свойства также являются для него крайне характерными и заметными, так что они подчеркнуты и отмечены даже его современниками.

«Я вложил истину внутри себя, я чувствую отвращение ко лжи, ибо я знаю, что сын Атона Неферхепеура Уаенра (таковы имена Эхнатона) радуется ею» (55)—

читаем мы в одной надписи того времени, автор которой, будучи ближайшим сотрудником Эхнатона, хвалится тем, что он во всем следовал учению и словам своего гениального учителя и пророка, «мудрого, как Атон».

В этих словах звучит не простая похвала фараону, а горячая убежденность в том, что автор изумительных гимнов солнцу должен был действительно обладать божественной солнечной мудростью и стоять на много голов выше всех окружающих его людей, недоросших еще до полного признания и восприятия солнечного единобожия, всего нового учения и связанного с ним нового уклада жизни.

Но не в тесном лишь семейном кругу и не в одном только образе идеального мужа и отца суждено было Эхнатону проявить свой гений. В широких рамках государственной деятельности выступает он перед нами как мудрый правитель, обладающий неиссякаемыми ресурсами материальной и духовной силы. Может быть, его внешняя политика, которой мы в этом очерке не касаемся, и была признанием некоторой его слабости, но зато внутри государства он проявил большую энергию и большой организационный талант. Он отдал все свои силы своему любимому делу проведения реформы и переустройства государства на новый лад, поэтому естественно, что он не

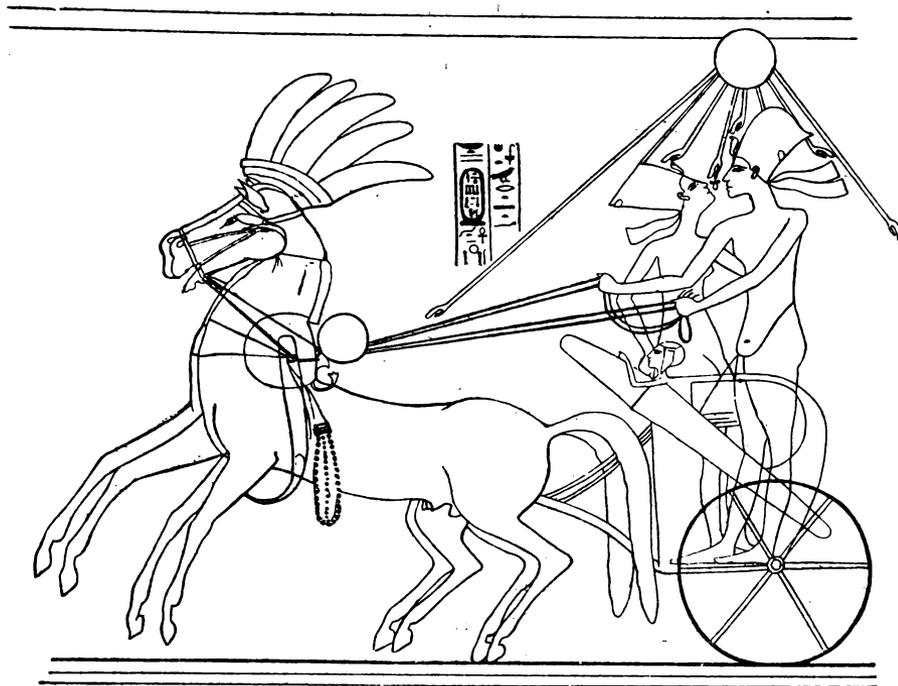
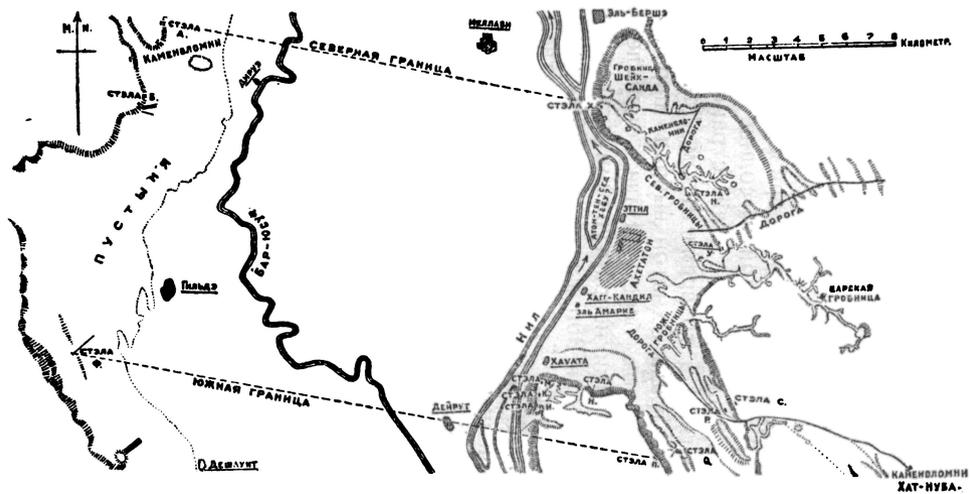

Рис. 6. ЭХНАТОН и НОФРЕТИТИ.

Гробница Ахмеса в Амарне.

мог отдалиться в должной мере внешней политике и удержать то высокое положение Египта среди других мировых держав, которое было создано его воинственными предшественниками. Но все же твердость и энергия являются основными чертами Эхнатона, как правителя. Борясь с реакцией, Эхнатон не останавливается ни перед чем, чтобы сокрушить врага и обеспечить успех своей реформе. Он стирает имена Амона на всех памятниках прошлого времени, дабы оно навсегда исчезло из памяти его народа. Веря в магическую силу имени, он изменяет свое прежнее теофорное имя «Аменхотеп» (Амон покоится) на новое богоносное имя Эхнатон (Блеск Атона). Он закрывает храмы прежним богам Египта, сохранив лишь культ гелиопольского Ра-Гора двух горизонтов, Ра-Горахте, из которого отчасти и возник культ солнечного диска—Атона. Все восстания подавлялись им, очевидно, с неумолимой твердостью, и фиванскому жречеству круто приходилось при этом фанатическом пророке новой солнечной веры Атона.

Главная же характерная черта Эхнатона, как правителя, заключается в его смелом реформаторском духе, в его неиссякающем новаторстве и в его крупном организаторском таланте. Одним ударом порывает он со всем прежним укладом жизни, с верой отцов и дедов и даже с тем городом, который еще отражал в себе всю роскошь блестящего правления и грандиозного строительства его великого отца. Эхнатон порывает с вековыми традициями египетской культуры и на фоне прославленного древне-египетского консерватизма выступает, как оригинальная, смелая и самобытная фигура, полная юношеской свежести, неудержимого стремления вперед и могучего импульса к новому солнечному творчеству. Правитель

План Ахетатона (по чертежу Питри).

Рис. 7. ПЛАН АХЕТАТОНА.

перерастает здесь семьянина, а реформатор—правителя, становясь пророком и фанатическим проповедником нового учения.

Особенно ярко сказались его новаторство и его мощный устроительный дух в создании новой столицы—Ахетатона—что значит Горизонт Атона (56), с которого должно было взойти солнце его нового учения и его новой веры над всей страной и даже над всем известным в то время миром. Для этого нового солнечного града Эхнатон выбрал широкую котловину на восточном берегу Нила, окаймленную с трех сторон высокими неприступными скалами в 160 милях от Дельты и в 300 милях от Фив (см. план Ахетатона на рис. 7). Участок земли, отведенный под новый город, был ограничен 14-ью пограничными стѣлами, высеченными в скале, с рельефным изображением сцены поклонения царской семьи солнцу и с текстом, в котором говорится об основании новой резиденции с точно определенными границами (см. рис. 8). Весь участок простирался на 12—17 миль в длину и на 8 миль в ширину. В шестой год своего царствования Эхнатон со всем своим двором переселился из старой столицы Фив в новую—Ахетатон—и обосновался там до своей смерти. Первыми постройками были, конечно, храмы Атону, из которых нам известны три: главный государственный храм, храм царицы Ти и храм царевны Бекетатон (57), а затем дворцы фараона. Вслед за этими зданиями стали воздвигаться дома важнейшими сановниками государства и приближенными фараона, наконец, на окраинах нового города быстро возникли тесные и скученные кварталы городской бедноты, обслуживавшей все нужды пышного двора; тут же в узких и темных проулках ютился рабочий люд, занятый постройкой

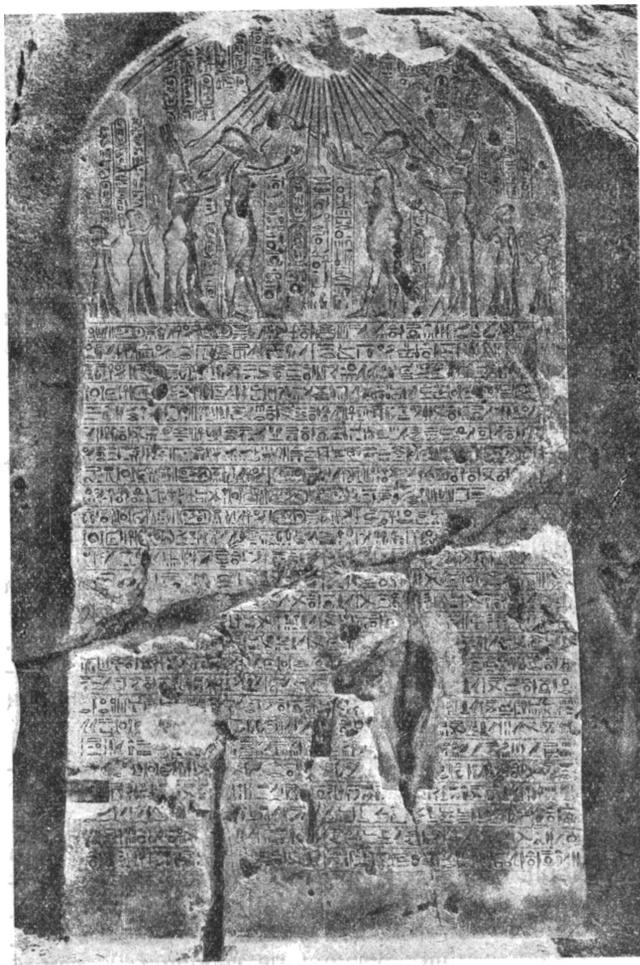

Рис. 8. ПОГРАНИЧНАЯ СТЭЛА.

Амарна.

нового города. А в скалах, окаймляющих Ахетатон с востока, были вырублены гробницы для фараона, его семьи и его приближенных. Они ясно показывают нам, как торопился Эхнатон с постройкой нового города, а то, что большинство из них неокончено и все они разграблены, указывает на быстроту и силу реакции (58).

Большой и пышный город со своими храмами, состоящими из открытых дворов и алтарей с одним лишь обелиском (камень, столб бенбен), со своими дворцами, парками, садами и прудами, с широкими улицами квартала вельмож представлял красивое зрелище внезапно возникшего в мрачной пустыне миража. Поэтому понятны восторженные отзывы современников, в преувеличенных словах описывающих красоту нового города:

«Он (т.-е. Эхнатон) создал для тебя (т.-е. Атона) Ахетатон (город), изобилующий любовью, благодарный, преуспевающий, в котором пребывает благодать Солнца. Люди радуются при виде его красоты. Он изукрашен и прекрасен. Он подобен мельканию света на небе. Его величина не превзойдена. Атон восходит в нем и наполняет его своими лучами» (59).

На ряду со смелостью, твердостью, энергией, Эхнатон обладал большим знанием человеческих склонностей и слабостей. Он знал, как подойти к людям и как расположить их в свою пользу. Богатые дары расточал он тем, кто внимал его учению, он приближал их к себе и делал их своими сторонниками, награждая их золотом, титулами и должностями, приготавливая для них роскошные гробницы — самый лучший дар для египтянина.

«Он (т.-е. Эхнатон), — пишет Май, — осыпал меня милостями, как песком. Я стал первым из старших, начальником Рехит. Мой господин возвышал меня, так как я следовал его учению. Я слушаю его голос непрестанно. Мои глаза видят твою красоту изо дня в день, о мой владыка, мудрый, как Атон, довольствующийся Истиной» (60).

Эхнатон выбирал своих сотрудников, очевидно, из простых людей, дабы их больше привязать к себе и поставить их в полную личную зависимость от себя.

«О ты, многообразие Нилов, изливающий ежедневно воду, мой бог, сотворивший меня, добротой которого я живу...» (61), откровенно говорит в своих надписях Май, возвышенный, очевидно, одной лишь милостью фараона.

Но все же Эхнатон при всем этом обладал одним роковым недостатком, который послужил одной из причин гибели его реформы. Он не умел разбираться в людях, он не умел находить конгениальных себе помощников, которым он мог бы передать свое дело. Его преемники, выбранные и возвышенные лично им, оказались людьми незначительными и слабыми, не сумевшими продолжить его великое дело. Может быть, это не был недостаток, а лишь неудача, может быть равных ему по силе людей в Египте в то время и не было совсем, во всяком случае достойного себе преемника Эхнатон, не имея сыновей, найти не сумел или не смог.

Как над идеалом семьянина в душе Эхнатона выдвинулся идеал правителя, реформатора и организатора, так образ мыслителя, поэта и пророка увенчивал здание душевной и духовной настроенности этого

фараона. В сфере чистой мысли, возвышенного художественного творчества, экстатического устремления к своему солнечному божеству и в области горячей проповеди находил он свое высшее счастье и глубочайший смысл своего жизненного призвания. Как мыслитель, он был несомненным мистиком, ибо предполагал существование загробного мира и единой божественной сущности, лежащей в основе вселенной. Как религиозный реформатор, он был убежденным солярным монотеистом, ибо признавал одно лишь Солнечное божество, обоготворяемое им под именем Ра-Горахте или чаще под именем Атона, что значит солнечный диск. Его вера в промысел бога выражалась в глубоком убеждении, что единая солнечная энергия проникает собою весь мир, как видимый, так и невидимый, являясь источником и началом всех жизненных проявлений на земле. Поэтому излюбленным символом его божества является солнечный диск с исходящими из него лучами, концы которых в виде человеческих рук держат крестообразный знак жизни «анх», поднося его к носу или к половой сфере человека, находящегося под благодатными лучами Атоновского Солнца. Дыхание жизни и производительная энергия — вот два основных признака действительного человеческого существования, постоянно обновляемого живительными лучами, напоенными неиссякающими силами солнечной энергии.

И как художник Эхнатон достигал таких же высот проникновенного творчества. Его художественной стихией была религиозная поэзия, и в ней он явил себя вдохновенным творцом и певцом нового освеженного и обожженного мира. Как поэт и художник, он был близок к природе и к человеку, умел подмечать малейшие изменения, производимые в них

солнечными лучами. В своих изумительных солнечных гимнах с истинно-поэтическим талантом и вдохновением пророка воспевает он свое новое солнечное божество, оживляющее лучами весь мир. Особенно хороши его простые и неприкрашенные картины природы, обличающие в нем тонкую наблюдательность и острую художественную восприимчивость. Отрешившись от старой риторики и от традиционных мифологических образов и сравнений, простыми, смелыми и яркими штрихами, резко реалистическими, сочными мазками рисует он картины природы, то погруженной вместе со своим солнечным божеством в глубокий сон, то пробуждающейся под лучами восходящего солнца. Следующие стихотворные переводы соответствующих отрывков Эхнатонского гимна к солнцу, близко передающие подлинный текст, смогут нам дать некоторое впечатление о художественном творчестве Эхнатона.

Н о ч ь.

«Когда ты тихо спишь на западном краю,
Земля во мрак погружена, подобно смерти;
И люди спят в домах, закутавши главу,
Сомкнув глаза и нос, как трупы бездыханны. —
Все могут взять у них, не будут знать они.
И львы в свои пещеры с добычею крадутся,
И жалит скорпион. Земля молчит и спит.
Творец хранит покой на западном краю.

У т р о.

«Сверкает и блестит на горизонте утром —
Восходишь ты в лучах, Атона блеск дневной.
И тает мрак ночной под сенью рук горящих,
Ликуют два Египта, и жаркий юг и север.
И на ноги встает от сна восставший люд,

Омыв себя водою и взяв свои одежды,
Хвалу тебе возносят, когда восходишь ты.
Во всей земле твоей творят свою работу.
И мирно бродит скот на пастбищах своих.
Чуть зеленеют травы, в лучах твоих деревья,
И птицы вылетают из гнезд своих ночных» (62).

Тонкая художественная восприимчивость и утонченно-изящный художественный вкус Эхнатона повлияли и на эволюцию изобразительного искусства, которое достигло при нем, как мы это увидим ниже, небывалого процветания, приблизившись к жизни и к природе. В этом художественная заслуга и миссия Эхнатона, ибо он открыл новые пути для развития египетского искусства.

Наконец, в Эхнатоне мы видим горячего сторонника нового учения, им призванного в мир, фанатического жреца и проповедника новой созданной им веры, пророка и даже мессию той солнечной религии, которая им отчасти была воскрешена, а отчасти создана заново. Непоколебимо стоял он на избранной им высоте, и ни ропот народа, ни недовольство влиятельных жрецов не могли поколебать его неуклонных убеждений. Он сам был не только творцом новой веры, нового культа и нового божества, он был сам его первым жрецом и первосвященником, «Великим Ясновидцем (Ур маа) Атона в храме Атона в Ахетатоне». Он сам неустанно проповедывал свое «учение» своим приближенным и друзьям, был сам первым пророком и возлюбленным сыном неугасающего Солнечного Диска—Атона.

«Как счастлив тот, кто слушает твое учение жизни; да будет он доволен при виде тебя и да достигнет он преклонного возраста», говорит его друг, приближенный и ученик Май (63).

Сам же Эхнатон говорит о прямом откровении ему Истины, о прямом осенении его, «возлюбленного сына Атона», как он сам себя называет, лучами Атоновского Солнца.

«Слова Ра перед тобою,—говорит он своему визирию Рамозе,... — моего божественного отца, который раскрыл мне их сущность... это было поведано моему сердцу, открыто моим глазам, я понял...» (64).

Во многих памятниках того времени ярко проступает догмат богосыновства и интимной связи фараона с солнечным божеством, который с особенной силой был выдвинут Эхнатоном в его новом учении, продолжавшем в этом отношении старую традицию культа обожествленного фараона, издавна известного древнему Египту.

«Ты (Атон) даешь ему (Эхнатону),—читаем мы в гробнице Маи, — долголетие и годы; ты прислушиваешься ко всему, что делается в его сердце, ибо ты любишь его, ты уподобляешь его Атону, его, свое дитя, царя юга и севера, Эхнатона, который предшествует твоим лучам» (65).

В самом факте нахождения удобного места для постройки новой столицы — Ахетатона—Эхнатон видит новое указание перста божьего, приведшего его именно в эту богоизбранную и отмеченную его благодатью местность:

«Ни какой-либо знатный человек, ни кто-либо иной во всей стране,—говорится в одной пограничной стэле Ахетатона,—не привел меня к этому месту. Нет, но это был Атон, мой отец, который привел меня сюда, дабы я воздвиг ему здесь Ахетатон» (66).

Таким образом воздвигался и укреплялся тот культ обожествленного фараона, Гора и Сына первозданного солнца, который существовал в Египте искони, являясь неотъемлемой частью его религии, государственного строя и национальной психики. Фараон признается земным божеством, принятым в среду небесных богов, и поэтому к нему, как распределителю всех загробных благ, обращается его подданный с горячей мольбой обеспечить ему посмертное блаженство и последнее успокоение в скалистой гробнице. Так в молитве Мерира читаем мы такие строки, обращенные к Эхнатону:

«Хвала твоему двойнику, о Неферхеперура, благой правитель, возлюбленный Атоном, великий бог Нила всего мира, при виде которого люди обретают жизнь, Уаенра, возлюбленный, подобно Атону. Каждый день Ра дает тебе при каждом твоём восходе сотни, сотни тысяч празднеств-сед. Атон защищает свое потомство. Ты — его сын, живущий сын. Он направляет к тебе всю страну свою, дабы ею обрадовать твое сердце. Даруй мне счастливую жизнь и сделай, чтобы я созерцал твою красоту до тех пор, пока я не прибуду в обитель, сооруженную мною в большой скале Ахетатона для двойника царского писца Мерира» (67).

Таким выступает перед нами Эхнатон.

Его внутренний духовный облик поражает нас своей цельностью и законченностью. Постоянное вдохновенное творчество, ничем неколебимая убежденность в своей правоте и в истинности своего учения, солнечность души и озаренность духа, юношеская свежесть, прозрачность, ясность и чистота — вот главные характерные черты его внутреннего

образа, вырастающего перед нами, как сказочный гигантский сфинкс вырастает среди песков пустыни.

В нем слились воедино лучшие черты египетского национального характера, духа и гения. Он полностью воплотил в себе идеал древне-египетского человека и правителя, идеал может быть невысказанный, но ясно проступающий во всех памятниках древнего Египта. Как гигантская скала одиноко высился Эхнатон над бушующим морем людей и событий своего времени. Мало людей нашлось, которые его поняли и восприняли в себя целиком его солнечное учение, и ни одного, который сумел бы продолжить его великое и ясное дело.

Одиноким сошел в свою скалистую могилу пророк новой веры, осененный лишь лучами заходящего солнца, в последний раз осветившими город мгновения—Ахетатон.

Конечно, на Эхнатона оказали некоторое влияние те люди, которые его постоянно окружали, и более всего среди них те близкие ему две женщины, к которым постоянно влеклась его глубоко женственная натура, его мать Тия (см. рис. 9), супруга великого Аменхотепа III, вышедшая из простого народа и достигшая вершины власти благодаря своим личным качествам, и жена Эхнатона Нофертити, которую мы постоянно видим на всех изображениях того времени рядом с самим фараоном (см. рис. 5 и 6). Но все же не следует преувеличивать их влияния и тем преуменьшать яркую и самобытную индивидуальность самого Эхнатона. Не из женской души и не из женского ума выросла эта грандиозная реформа, как ни одно великое дело в истории не было проведено женщиной. Мы знаем, что царица Тия лишь через несколько лет после основания Ахетатона прибыла

в эту новую столицу и заложила там первый камень нового храма, посвященного ею Атону. Это было ее первым формальным признанием новой веры,—очевидно, до того времени она сторонилась реформационной деятельности своего сына (68).

Возможно, что дальнейшие розыскания также подтвердят и незначительность роли жены Эхнатона Нофертити в проведении Амарнской реформы. Во всяком случае тот факт, что она постоянно изображается при всех церемониях рядом со своим царственным супругом, еще ничего не доказывает, ибо в этом мы видим лишь образец трогательной и нежной любви Эхнатона к своей жене, «любимой им», как говорится в текстах того времени. Возможно, что этим он также хотел дать своим подданным с высоты престола пример опрощения жизни и придворного этикета, разбивая старые традиционные рамки семейной жизни и возвышая положение женщины в семье. Не имел Эхнатон близких сотрудников, друзей и горячих приверженцев и среди своих приближенных. Памятники того времени сохранили нам имена и титулы визиря Рамозе, главного придворного строителя и ваятеля Бека, верховного жреца нового солнечного божества Мерира, главного военачальника Маи, верховного судьи и начальника судебной палаты Ахмеса, начальника царского казначейства Туту, начальника царского гарема, очевидно, евнуха Хейе и, наконец, может быть, самого близкого к фараону человека, Эйе, мужа его кормилицы, который носит странный и необычный титул «божественного отца» (итеф нетер), того самого Эйе, который после смерти Тутанхамона занял царский престол в качестве третьего преемника Эхнатона. Но все эти люди были далеки душою от гениального

Рис. 9. ЦАРИЦА ТИЯ. Коллекция Симон в Берлине.

реформатора; только золото, должности и титулы привязывали их к нему. Эхнатон не сумел или не смог найти себе среди них достойного преемника, который был бы в состоянии продолжить его дело. Второго его зятя, Тутанхамон, малодушно предал его, перейдя на сторону реакционно настроенного фиванского жречества.

Таким образом, фигура эхнатона, одинокая в своем творческом новаторстве, еще более вырастает перед нами, принимая трагический облик непонятого гения. Его мнимые друзья шли за ним, лишь гонимые жаждою наград, почестей и власти. В своих гробницах они открыто признаются, что фараон щедро награждал их за их усердное следование его божественному «учению», и в этом смысле их слова приобретают характер циничного самодовольства. Желая преобразовать мир, Эхнатон не сумел преобразовать самой души человека, ибо забыл, что не вливают вина нового в меха старые. Он был слишком опьянен своими собственными духовными достижениями, чтобы видеть ту грандиозную пропасть, которая отделяла его и его возвышенное учение от его современников и всей окружающей его жизни.

**Амарн-
кая ре-
лигия**

Реформа Эхнатона имела, главным образом, религиозный характер, и поэтому вся Амарнская эпоха окрашена в яркий религиозный тон. Вообще вся жизнь древних египтян была до самых глубин проникнута чуткой и проникновенной религиозностью, и вне религиозного творчества абсолютно немыслима египетская культура, в Амарнскую же эпоху развитие этого религиозного импульса достигло необычайной высоты, в корне преобразовав на время весь строй древне-египетской традиционной жизни. Увлеченный, может быть, несбыточными мечтами, юный

Фараон захотел дать своему народу новую очищенную веру и новый воскрешенный из глубокой древности культ единого божества, солнечного диска—Атона. Нам предстоит теперь охарактеризовать в главных чертах эту новую веру, одновременно показав, какие пережитки старого в ней сохранились.

В центре нового религиозного учения Эхнатона стояло отвлеченное понятие и на ряду с ним вполне конкретное представление о новом едином солнечном божестве—Атоне. Основными свойствами этого солнечного божества были изначальное и постоянно продолжающееся творчество мира во всех его проявлениях, непрерывная забота о сохранении жизни, жизнеподательство, вселенскость, вечность и единство. Атон признается изначальным творцом мира, создавшим всю видимую и невидимую вселенную, «отцом» мира, людей и животных, как это часто подчеркивается в памятниках того времени.

«Он, который создал все... все человечество, летающих и порхающих птиц всякого рода и пресмыкающихся, существующих на земле» (69), читаем мы в одной надписи из гробницы Ахмеса.

Большой гимн Атону рисует нам в следующих ярких и поэтических красках эту постоянную творческую, промыслительную и жизнедательную силу Атона, заключенную в его солнечных лучах и в скрытой в них солнечной энергии.

Творчество Атона.

«В жене дитя ты зарождаешь и в муже семя,
В утробе материнской даруешь жизнь ребенку.
Покоишь ты его — не плачет больше он.
О ты, кормилица ребенка, во чреве матери его.

Дыханье ты даешь, чтоб оживить все твари
В тот день, когда, рождаясь, они на свет выходят.
Ты рот им отковываешь и в звуках речь даешь,
И все, что нужно им, даруешь щедро ты.
Когда пищит в яйце под скорлупою птичка,
Дыханье ей даешь, чтоб жизнь ей сохранить,
И должный срок, чтоб скорлупу сломать в яйце —
Тогда она на лапках выйдет из яйца.
О, как велики все твои дела. Сокрыл их
От лика человека ты, Единый бог,
Себе подобных не имевший от века и доныне.
Ты землю сотворил один, по личной воле,
И всех людей, стада и всякий мелкий скот,
Все, что на двух ногах здесь ходит по земле,
Что, высоко поднявшись крыльями, летает,
Все в Сирии, и в Куше, и в Египте.
Ты сотворил там всех людей на каждом месте,
И все, что нужно им, даруешь щедро ты.
Имеет каждый необходимое питание.
Тобой сосчитан точно жизни срок его.
По речи различил ты языки людей
И также внешний образ их по цвету кожи.
Ты различил все страны мира, все народы,
Ты создал благодатный Нил в подземном мире,
Его принес на землю ты своей любовью,
Чтоб этим даром обеспечить жизнь людей.
Ты создал Нил на небе, он сходит вниз на них,
В горах он воды создает, как Океан,
Он орошает пашни своей живою влагой.
Владыка вечности, исполнены добра твои все мысли!»
(70).

Творческая и жизнедательная сила Атона мыслилась Эхнатоном неограниченной ни временем, ни странством. Изначальный творец мира, Атон сам

«вышел из вечности» (71), был «владыкой вечности», как он назван в большом гимне Эхнатона. Это исконное и древнее понятие египетской религии было ярко подчеркнуто в новом Амарнском учении и приобрело в нем особенно полное выражение в соединении с другим догматом его, с догматом вселенскости и космической силы божества. Мы уже видели из большого солнечного гимна, что Атон признавался единым создателем и владыкой вселенной, всего мира, того египетского orbis terrarum, который ограничивался Сирией, Египтом и Нубией. Во всех памятниках того времени ярко подчеркнута эта вселенскость Атона, его всеохватывающая мощь, простирающаяся как на всю землю — та реджер,—так и на все человечество — неб ремтет. В гробнице Панехеси мы читаем:

«Все человечество живет при виде тебя (Атона), вся земля собирается при твоём восходе; их руки приветствуют твой восход» (72), и также в могиле Эйе:

«Ты посылаешь свои лучи на всех людей»
(73),

наконец, в большом солнечном гимне:

Восход Атона.

«Прекрасным ты встаешь на горизонте неба,
Живой Атон, творец и промыслитель жизни,
В лучах блистаешь ты на розовом востоке
И наполняешь всякую страну своей красотой.
Прекрасен ты, великий, блистающий на небе;
Пылающий высоко над каждой страной.
Твои лучи касаньем рук объемяют мир,
Тобою созданный, до самых дальних граней.
Ты, солнце, достигаешь конца своей земли

И покоряешь всю ее возлюбленному сыну.
Ты — далеко, но блеск лучей твоих — над миром;
Сияешь в людях ты, все ждут восхода Солнца»
(74).

Эта неограниченность Атона во времени и пространстве, так ярко выраженная в гимнах Эхнатона, придает новой вере всеохватывающие, космические черты. Вечный и вездесущий бог, не знающий пределов своей силе и своей благодати, облекается во внешнюю оболочку Солнечного Диска, скрывая, однако, истинную свою сущность в той солнечной энергии, которая извечно и вовеки веков творит жизнь на земле, что подчеркивается именем Атона — «Блеск, который исходит из солнечного диска».

Наконец, главным и основным свойством Атона, с особенной силой выраженным в гимнах и проведенным в жизнь Эхнатонем, является его единство и его единственность. Атон — единый бог, нет другого божества на ряду с ним. Он один создал мир, он один дарует жизнь людям и тварям, и поэтому ему одному следует молиться, поклоняться и приносить дары и жертвы. В этом отношении Амарнская религия превосходит то резко выраженное единобожие, которое звучит в древнем христианстве и в мусульманстве. «Нет бога, кроме Атона, и Эхнатон пророк его» — мог бы смело сказать древне-египетский реформатор, перефразируя слова, позднее произнесенные Магометом.

«Ты — единый бог, себе подобных не имевший» — так выражен этот догмат солнечного единобожия в большом гимне Атону, — догмат, заставлявший Эхнатона объявить жестокую войну всем прежним богам древне-египетского пантеона и даже уничтожить на памятниках их имена, так же как и ненавистное

слово боги (нетеру), указывавшее на древнее многобожие Египта.

Проявления Атона обнаруживались в ряде вечных и непоколебимых символов, познаваемых умом и воспринимаемых всем существом древнего египтянина образно и конкретно в плане окружающей его повседневной жизни.

Новая вера, с одной стороны, необычайно очищала и возвышала человека, давая ему высочайшие откровения истины, с другой же стороны—приближала его к жизни, к миру и к природе, указывая на всю ту красоту, которая подчас невидимо скрывается от близорукого глаза. Она заставляла человека выше ценить свою земную жизнь, проникая ее своими теплыми и ласкающими солнечными лучами, несущими человеку любовь и радость. В ней находил человек мир и покой, отдыхая от суеты и сутолоки повседневности; обращенный ею к живой и живительной природе, он снова находил здесь силы для продолжения своего жизненного пути, который должен был увенчаться конечным слиянием с Атоном в его лучах.

В свете и в солнечных лучах, в дыхании жизни, в трепете любви, в красоте мира, в радости бытия, в вечной и недвижной истине, в мире души, в природе и в пути к слиянию человека с солнцем обнаруживал Атон свою божественную сущность. В этих основных понятиях заключается вся догматика новой сияющей солнечной веры, полно и ярко выраженной в прекрасных и вдохновенных гимнах Эхнатона.

Прямым и непосредственным проявлением благодатной силы нового солнечного божества являлись его лучи (сетут), наполнявшие весь мир сияющим, теплым и живительным светом. Без них казалась Эхнату немислимой какая-либо жизнь на земле.

Они были истинными проводниками солнечной энергии, принося с неба на землю то дыхание жизни, которым жив был человек и все живые твари. Поэтому единственным символическим изображением Атона был солнечный диск с исходящими из него лучами, концы которых, изображенные в виде человеческих рук, держат символ жизни — анх, крестообразный знак древне-египетской иероглифики.

Жизнь—это второе проявление и обнаружение солнечной силы на земле. Все живо только благодаря Атону; Атон создал жизнь на земле; Атон ее сохраняет и печется о ней непрестанно. Его лучи даруют жизненную силу человеку, поднося ее в виде дыхания к его носу или в виде производительной силы к его половой сфере. Такое символическое изображение указывает на двойное назначение и двойную роль солнечных лучей, дарующих человеку жизнь и обеспечивающих продолжение этой жизни на земле. Яркую иллюстрацию этого догмата находим мы также и в том отрывке из большого гимна Атону, который мы уже цитировали выше, говоря о жизнедательной силе Атона. Эхнатон внушал своим подданным мысль о божественном происхождении жизни на земле, заставлял их любить и ценить земную жизнь, ибо она воистину счастье и дар бога, а не горе и проклятие, как то думал автор египетской поэмы эпохи Среднего Царства, известной под названием «Беседа уставшего жить со своей душой».

Движимый бесконечной любовью своей, Атон дарует людям жизнь, делая, таким образом, любовь источником всякой жизни на земле; любовь, исходящая из людей, является залогом продолжения этой жизни, осененной лучами вечного солнца. Таким образом третье проявление и обнаружение благодатной

силы Атона, его бесконечная любовь (мерут), связывает воедино все мироздание, бога с человеком и людей между собой, являясь, как и жизнь, внутренним коррелятом его внешнего обнаружения в образе солнечных лучей. В Амарнском учении любовь обращается в великую космическую силу, носительницу жизни, постоянно излучающуюся из видимого образа бога—солнечного диска. Особенно сильной струей изливается эта божественная любовь на богоизбранного сына солнца, Эхнатона, «возлюбленного сына» Атона, как он сам себя постоянно называет, и на основанный им солнечный град Ахетатон, который «преисполнен любви».

Но, чтобы сделать любовь совершенной, бог создал в мире красоту (неферу), и в этом его четвертое проявление и обнаружение. Прекраснее всего само божество, сам солнечный диск, «наполняющий обе страны своей красотой», «при виде красоты которого радуется Эхнатон», как постоянно читаем мы в памятниках того времени. Эту божественную красоту носил в своей душе пророк новой веры Эхнатон, запечатлев ее в своем имени «Неферхеперура», что значит «Прекрасно бытие Ра». Любовь к этой божественной красоте хотел он привить и всем своим подданным, дабы они сумели вкусить от плода древа красоты и обнять всем своим существом всю полноту бытия. Это постоянное стремление к красоте и к изяществу формы отразилось также и в искусстве того времени, которое старалось дать наиболее яркое выражение идеям нового учения.

Постоянное наслаждение светом, жизнью, любовью и красотой наполняет душу человека безграничной радостью, переполняющей все его существо благодарностью к тому всеблагому божеству, которое даровало

ему этот лучший божественный дар. Радость («решут» или «рененут») — это пятое проявление Атоновской благой силы и пятый дар его людям. Когда люди видят восход солнца, этого божественного светила, они радуются и ликуют, они приветствуют его радостными песнями и криками, божественная радость наполняет тогда их души и сердца, ибо они знают, что солнце несет с собой свет, жизнь, любовь и красоту. Дав людям радость, Эхнатон думал им дать высшее счастье, но он забыл о том, что не всем доступен этот лучший дар бога. Он забыл о тех темных силах, что издавна владели сознанием и мыслью древних египтян в образе древнего змия Апофи, вечного врага солнечного бога.

Но самым высоким проявлением Атона было его проявление в истине, в той истине, по-египетски — маат, которая обоготворялась египтянами еще в до-Амарнскую эпоху в образе сидящей женской фигуры, с пером, символом легкости и справедливости, на голове. Культ этой богини истины достиг при Эхнатоне необычайной силы и развития, явившись одной из составных частей всеобъединяющего культа солнца. Так; на рельефе Рамозе мы видим около изображения фараона изображение богини Маат с надписью:

«Маат, дочь Ра, владыки дворца, госпожа неба, правительница богов, она дарует миллионы лет» (75).

Эхнатон в своих надписях всюду называет себя «живущим истиной» (анх ем маат), а обоготворяемое им солнечное божество — Атона — «владыкой истины» (хека маат), ибо он один обладает знанием вечной и недвижимой истины, ибо он один дает частицу этого знания тем, кто верует в него и ему поклоняется, как единому и вечному богу. В самом культе и

ритуале новой веры, очевидно, была церемония поднесения царем истины к лику Атона, та церемония, которая, возможно, существовала и до Эхнатона и которую мы видим в после-Амарнскую эпоху на абидосском рельефе Сети I, где этот фараон подносит Озирису изображение богини Истины — Маат (76).

«Когда его (Атона) сын, — читаем мы в гробнице Май, — подносит истину к его прекрасному лицу — радость. Ты (Атон) смотришь на него, когда он подходит к тебе, и ты даешь ему (право быть) царем, подобно (Атону), ему, Неферхеперура, Уаенра, да живет он и здравствует, подобно Атону» (77).

Из этих слов мы видим, что этот обряд поднесения истины к лику Атона возобновлял царскую силу фараона, давал ему как бы право на продолжение несения его царских обязанностей. Фараон давал богу истину своей жизни, клялся ему вечным исповеданием истинной веры и за это вновь получал из его рук свой царский удел, свою корону и свою власть.

В этом подчеркивании культа истины сказывается, возможно, еще и другая особенность новой веры, ее фанатическая нетерпимость и ее миссионерство. Эхнатон всюду хотел отметить, что новая вера единственно правильная, обладающая вечной истиной и правдой. В этом отношении Амарнская религия несколько приближается к тем религиям, которые притязают на единственное знание истины, к «православию», к вере «правоверных» магометан и к той вере, которая проповедывала единственный «правильный» путь (буддизм). И, действительно, Эхнатон не признавал ни других богов, ни другой веры на ряду с солнечным божеством и солнечной верой. Только

здесь была истина, только здесь истинное познание и созерцание божества. Отсюда проистекает его фанатическое преследование всех остальных богов Египта, отсюда его горячая, проникновенная и вдохновенная проповедь новой солнечной веры и все его «учение», о котором столько нам говорят все его современники.

С другой же стороны, постоянным напоминанием об истине Эхнатон, возможно, хотел указать на необходимость изменения всего старого уклада жизни, освобождения его от оков вековых традиций и эмансипации личности от условностей и пут древнего быта. Он хотел приблизить человека к природе, наполнить его душу созерцанием вечных красот мироздания, опростить его жизнь, наполнить ее правдой и истиной. Он хотел переродить душу человека, сделав ее чистой, ясной и прозрачной, подобно солнечным лучам, дать ей в качестве лучшей пищи правду и истину и в качестве лучшего и высшего удовлетворения и радости—сознание истинности своей веры и своей жизни. С этим связана и любовь Эхнатона к природе, в которой, как в зеркале, отражается сущность солнечного бога. Все его гимны полны прекрасных и правдивых описаний природы и животных, в рельефах и в фресках того времени мы находим простые и изящные иллюстрации к ним. В этом опять-таки сказывается космический характер новой веры, погружавшей душу человека в созерцание мировой жизни.

Сознание обладания вечной истиной и созерцание величайших красот природы дают душе человека тот мир и то спокойствие, которое всегда является результатом настойчивой и плодотворной духовной работы. В этом спокойствии (хотеп) седьмое про-

явление Атона, ибо он «идет в мире, владыка мира (78), как гласит надпись в гробнице Панехеси. На такую настроенность души Эхнатона, конечно, повлияла мирная государственная деятельность его отца, великого миротворца, Аменхотепа III. Эхнатон не знал войны, военных забав и упоения победами, кровью и военными успехами. Его душа была глубоко мирной и чуждалась всякой воинственной деятельности. Отсюда и глубокое миролюбие его внешней политики, которая в своем результате подорвала внешнее могущество Египта. Занятый своей реформой, Эхнатон забыл о внешних врагах и дал им время для беспрепятственного увеличения их мощи.

Достигши полного душевного спокойствия и равновесия, познав божественную истину и приблизившись к природе, душа человека, согласно с новым учением, должна была вступить на правильный, истинный, великий и прекрасный путь (уат), на тот путь, по которому шествует Атон в своем ежедневном движении по небесному своду.

«Ты движешься по прекрасному пути (уат нефер)», говорится в одном тексте того времени.

Понятие об этом солнечном пути существовало и в до-Амарнской религии, ибо тогда считалось высшим блаженством для души покойного — пребывание в ладье солнечного бога Ра. Но в связи с вышеразобранными догматами новой Амарнской веры, это понятие приобретает характер глубокого и серьезного духовного делания, озаренного и освященного лучами того великого божественного солнца, которое дарует человеку свет, жизнь, любовь, красоту, радость, истину и мир.

Но высшим идеалом в Амарнской религии было полное растворение человеческого естества в божестве.

ственной энергии мира, полное слияние человека с Атоном в его благодатных солнечных лучах. В гробнице Эйе мы читаем следующие проникновенные строки:

«Моя душа идет вперед к твоим лучам»... (79). Полное и свободное развитие личности человека привело в своем результате к свободной и добровольной самоотдаче себя божеству. Путь освобождения становился путем жертвы и через жертву давал человеку полную божественную благодать, полное приобщение человеческого естества к божественной вечной сущности. В этом догмате Амарнская религия достигла наибольшей высоты своего духовного развития, приближаясь к наиболее высоким и чистым религиям позднейшего времени. Но, к сожалению, современники Эхнатона не были еще в состоянии воспринять и оценить всю красоту этого нового солнечного учения.

Таким образом, в Амарнской религии сохранились прежние понятия о грядущем обожествлении человека, о земном обожествлении фараона, как рожденного сына солнца, и вытекающий отсюда культ фараона, про которого в те времена говорили, что он «восходит» на престол, подобно тому, как солнце «восходит» на горизонте неба (80). Все эти черты старой веры в новой Амарнской религии получили новое и яркое содержание в связи с мыслью о проникновении всего мира мощной солнечной энергией. На ряду с этими пережитками старого времени, облеченными в новые идейные одежды, в Амарнской религии, как мы уже указывали выше, сохранились даже старые имена солнечного божества Ра-Горахте и старый гелиопольский символ солнца — солнечный диск с его старым названием — Атон, которое мы

часто встречаем в гимнах до-Амарнского времени. Кроме того, в Амарнской религии сохранились и другие пережитки старого времени, отчасти механически, а отчасти, может быть, в виде уступок той древней народной вере, которую было трудно, почти невозможно уничтожить или даже видоизменить одним смелым ударом. Так, например, в Амарнских гимнах сохранились упоминания о быке Мневисе, которому поклонялись в Гелиополе и которому в Ахетатоне был даже построен специальный храм; вокруг диска Атоновского солнца сохранилось изображение змеи-урей, символа царской силы,—все пережитки древнего египетского зверопоклонства. Сохранился и весь круг прежних верований в загробную жизнь с понятием реального и конкретного загробного мира, а также посмертного оправдания и правогласия. Так, например, в гробнице Эйе мы читаем:

«Ты поместил меня навеки в место похвалы,
в обитель моего правогласия (маа херу)» (81).

Попрежнему правогласным, то-есть сказавшим правду и потому оправданным на последнем суде, считает себя покойный, называя себя традиционным именем правогласного, по-египетски «маа херу». Попрежнему сохранился древний обряд мумифицирования и погребения мумифицированного тела в высеченной в скале гробнице. Попрежнему на место вынутого сердца в грудь мумии влагался скарабей, символ солнечного бога Хепер, но уже не с вырезанным на нем древним текстом 31-й главы Книги Мертвых, который призывает сердце покойного не свидетельствовать против него на последнем суде, а с новым гимном солнцу, отражавшим новый уклон Амарнской веры. Наконец, попрежнему сохранилась исконная вера в магическую силу имени, по-египетски «рэн»,

в котором таинственно пребывает невидимая сущность божественной и человеческой души, и попрежнему одной из главных забот человека было сохранение навеки его имени и тем самым его души. Попрежнему читаем мы в текстах того времени:

«Да не будет никогда предано твое имя забвению» (82).

Больше того, мы находим в Амарнскую эпоху любопытное графическое изображение этого старинного догмата на одном рельефе из гробницы Апи, на котором фараон подносит Атону на особой подставке картуш его божественного имени, которое гласит:

«Живой Ра-Гор двух горизонтов, блистающий на горизонте в имени своем Блеск, исходящий из солнца» (83).

Так сохранилось в Амарнской религии это основное учение древних египтян о мистическом значении имени человека.

Амарн-
ское
искус-
ство.

Реформационная деятельность Эхнатона, широко захватившая область религиозной жизни, сильно отозвалась также и на египетском искусстве того времени, создав совершенно новые формы художественного творчества и направив его под новым своеобразным уклоном. Так создалось то своеобразное и оригинальное Амарнское искусство, которое почти не имело корней в прошлом и которое, подобно фениксу, родилось из пепла условного и связанного придворного искусства эпохи Аменхотепа III (84). В этой изумительной метаморфозе мы видим несомненное влияние мощной художественной индивидуальности самого Эхнатона, руководившего, очевидно, всем художественным творчеством своего времени. Возможно, что он нашел себе в этой области талантливый помощник и вдохновенного художника,

который воплотил в камне его проникновенные солнечные прозрения, или что ему удалось создать единую художественную школу или даже целое художественное направление, проникнутое одним общим эстетическим мировоззрением; как бы то ни было, Амарнское искусство носит на себе печать единого художественного гения, единой и цельной, мощной художественной индивидуальности. Как в скульптуре, так в рельефе и в рисунках того времени мы видим всеохватывающее стремление к правде и к простоте, к жизненности и к естественности, освобожденной от традиций и условностей прежнего времени, что, очевидно, стояло в тесной связи с религиозным мировоззрением Эхнатона. Душа художника старалась вырваться из оков вековых шаблонов и трафаретов и погрузиться целиком в созерцание и воспроизведение тех естественных природных форм, которые вдруг в совершенно новом свете встали перед его взором. Наконец, опьяненный этой то плавной, то бурной красотой движения и линии, художник весь отдался созерцанию и изображению вечно-текучих форм и образов, воспроизводящих истинную природу, неприкрашенное тело и пламенную душу чело- века.

Еще в до-Амарнскую эпоху мы наблюдаем в своей зачаточной форме тот реализм и тот натурализм, которые таким пышным цветком расцвели при Эхнатоне. В Абу-Гурабском храме Неусерра и в гробницах Шейх-абд-эль-Гурны близ Фив мы находим стремящиеся к простоте и природе изображения растений, животных и простых людей. Очевидно, это были те первые образцы, по которым учились молодые художники Амарнского времени. Но вскоре они уже превзошли своих учителей и с необычайной есте-

• ственностью стали воспроизводить тот видимый ими мир, который окружал их со всех сторон и манил их к себе красотой своих форм. Во дворце Эхнатона в Ахетатоне, на полу одной из зал мы видим прекрасное по своей простоте и жизненности воспроизведение картин природы: рыб в озере, быков, скачущих в высоких луговых травах, и диких уток, порхающих над ними (85) (см. рис. 10). Уже сама композиция всей картины поражает нас новой и оригинальной силой и цельностью, а постепенность переходов отдельных изображений заставляет думать о тонком художественном замысле мастера. В центре всей картины изображен пруд или озеро с разными породами рыб, плавающих в нем, вокруг него заросли трав и растений с летающими над ними дикими утками и с изображениями быков, скачущих в диком галопе, наконец, над этим рядом проходит последний ряд с одним лишь стилизованным растительным орнаментом, в одном месте перебитым, очевидно для разнообразия, изображениями луков и иноземцев. Эти постепенные переходы от водяного и рыбного царства к растительному, пернатому и животному царству, заключенные в стилизованное растительное обрамление, дают нам прекрасное и цельное представление о всей природе, изображенное рукой опытного мастера. Отдельные детали этой большой картины поражают нас мастерством и тонкостью исполнения и близостью к природе, свободной от традиций и условностей. Прекрасно воспроизведены рыбы, свободно разрезающие своими плавниками воды озера, легко движутся в воздухе очертания уток, просто и свободно ложатся и сгибаются контуры растений, но лучше всего изображен вольный бег быков, поднявших вверх свои головы и чуть-чуть касающихся

Рис. 10. АМАРНСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Амарна.

земли. Как указал Шефер, в этих рисунках бегущих быков мы можем ясно наблюдать сильное художественное влияние эгейских культур, которое, может быть, еще сильнее и ярче отразилось в орнаменте, прикладном искусстве и художественной промышленности того времени (86).

Таким образом мы видим, что Амарнское искусство на ряду с оригинальным и самобытным творчеством сумело вобрать в себя и все те здоровые струи естественного натурализма, которые оно чувствовало своим художественным чутьем в искусстве народов, окружавших Египет и воздействовавших на его культурное развитие и художественное творчество.

Но особенно сильно сказался новый натурализм Амарнского искусства в изображении человеческой фигуры, совершенно освобожденном от всех условностей прежнего времени. Главной целью художника стало теперь наиболее правдиво и естественно изобразить данного человека со всеми его характерными отличиями и особенностями, совершенно отказавшись от какой бы то ни было идеализации. Так возникло то натуралистическое портретное искусство, которое, доведенное до своей крайности, привело к утрировке и к оригинальному шаржу, почти гротеску, совершенно необычному для строгого и канонического искусства древнего Египта. Но любопытнее всего то, что сам фараон и все ближайшее его окружение, невзирая на всю священность и значительность их особ, стали объектами нового, почти гротескного искусства, которое, не щадя изобразительных средств, всеми способами старалось подчеркнуть естественные особенности тела и лица своих натур и главным образом самого фараона. На Берлинском рельефе, изоб-

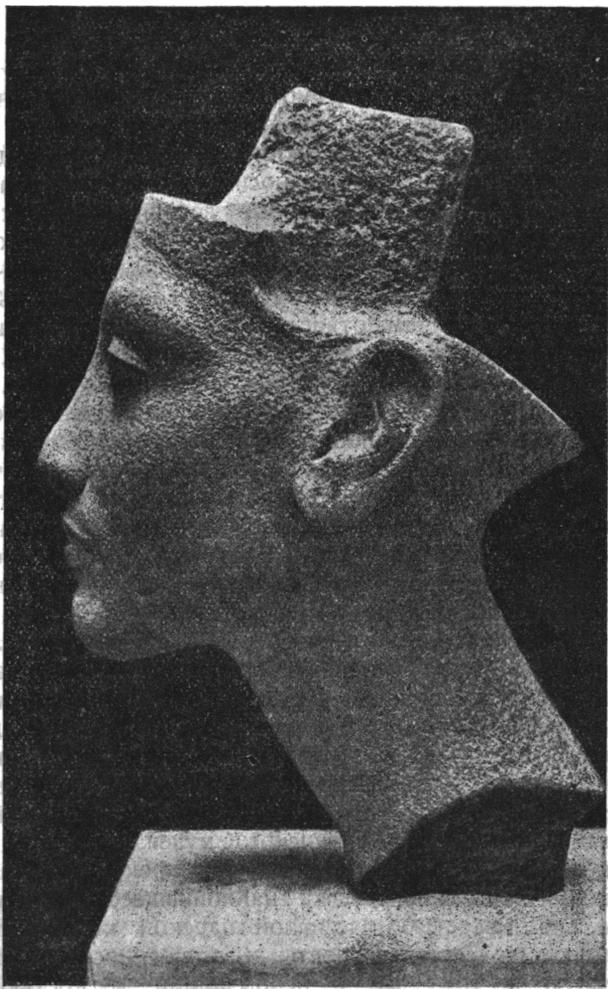

Рис. 11. АМАРНСКАЯ ЦАРИЦА. Берлинский музей.

поражающем Эхнатона и Нофретити (см. рис. 5), фигура фараона бесконечно далеко отстоит от той сакральной и идеализированной фигуры, которую мы видим в статуе того же Эхнатона в начале его царствования, когда он еще носил прежнее имя Аменхотепа IV (см. рис. 3). Новые веяния в искусстве заставили художника изобразить фараона таким, каким он был на самом деле, со слабым, тщедушным телом, с узкой и впалой грудью, с тонкими, слабыми руками и вспухшим, отвислым животом, может быть даже излишне подчеркнув все эти уродливые особенности телосложения Эхнатона. Но все же вся его фигура проста, естественна и непринужденна; она легко опирается на посох, обвитый ее правой рукой. Ноги Эхнатона свободно и просто скрещены, что особенно поражает нас, привыкших к условному изображению ног на всех царских фигурах прежнего времени. От всего образа фараона, в особенности от его выразительной головы веет свежим дыханием нового натуралистического искусства.

Не менее сильна и своеобразна новая трактовка головы, которая с особенной яркостью опять-таки выступает на портретных головных изображениях самого фараона. Его длинная шея и узкое, впалое лицо, его длинный разрез глаз, ровная линия носа и лба, острый подбородок и слегка полные, небольшие губы характерно выделены на головном изображении Берлинского музея (см. рис. 5); на Луврском бюсте мы находим прекрасное, проникновенное лицо, слегка наклонившееся вниз, как бы под тяжестью массивной царской короны (87). Такую же естественность и жизненность, соединенную к тому же с необычайной мягкостью и пластичностью линий и форм и с изумительным изъ-

ществом, находим мы в головке одной Амарнской царицы, находящейся в Берлинском музее, которая может действительно сойти за один из шедевров не только египетского, но и мирового искусства (см. рис. 11).

Наконец, вслед за естественностью и правдивостью изображения, вслед за мягкостью и изяществом очертаний в портретных изображениях Амарнского времени мы находим необычайную выразительность и силу экспрессии, умение передать всю сложную игру душевных переживаний, которое было за редким исключением почти недоступно художникам и мастерам до-Амарнского времени. Уже в головных изображениях и бюстах Эхнатона мы видим яркое изображение внутренней индивидуальности фараона,— его полузакрытые мечтательные глаза, изгиб его длинной шеи, линия его рта и весь наклон его головы красноречиво говорят о глубокой духовной проникновенности фараона, о его мечтательности, о силе, глубине и тонкости его художественной восприимчивости, о неугасимом огне его мощного духовного творчества и о всей своеобразной чуткой и одаренной индивидуальности гениального творца Амарнской реформы.

Но особенной силы экспрессии Амарнское искусство достигает в двух замечательных головных изображениях: в рельефах Эйе и его жены Ти́и (см. рис. № 12). В сцене, изображающей награждение фараоном Эйе и его жены золотыми ожерельями, мы видим виновников этого торжества, стоящих перед балконом фараона в почтительной позе. Но больше всего привлекают здесь наше внимание изображения лиц Эйе и его жены Ти́и. Неуловимыми и тонкими штрихами, умелыми ударами резца сумел художник

передать всю ту радость и всю ту благодарность, которые наполняли души награжденных «золотом похвалы». Подъем шеи и головы, своеобразная постановка голов, соединенная с движением торса и вытянутых вперед рук, создают изумительную, полную силы и выразительности, картину. В этом рельефе Амарнское искусство достигает замечательной высоты экспрессии и дает нам образец истинно-художественного, полного жизни и силы, произведения.

Те же самые черты свежего и мощного натурализма, соединенного с необычайной силой экспрессии, находим мы и в групповых сценах того времени, которые ни в чем не уступают отдельным и даже портретным изображениям. В них мы видим ту же тщательную обработку деталей, то же тонкое мастерство формы, которое поражает нас в более крупных и концентрированных произведениях. Возьмем для образца несколько таких групповых сцен. На первой из них, изображающей восемь слепых музыкантов (см. рис. 13), из которых первый играет на семиструнной арфе, а остальные ему подпевают, мы видим восемь совершенно различных и своеобразных трактовок человеческой головы, старающихся передать всю сумму индивидуальных отличий каждой из восьми натур. Строение носа, губ, глаз, ушей, направление и количество морщин, самая величина и даже овал головы, наконец выражение каждого лица — различны и совершенно непохожи друг на друга у всех восьми сидящих фигур. А одинаковая посадка фигуры и почти одинаковая форма рук создают своеобразный контраст к разнообразию голов, что образует вместе любопытный образ дисгармоничной, но все же цельной и единой художественной композиции.

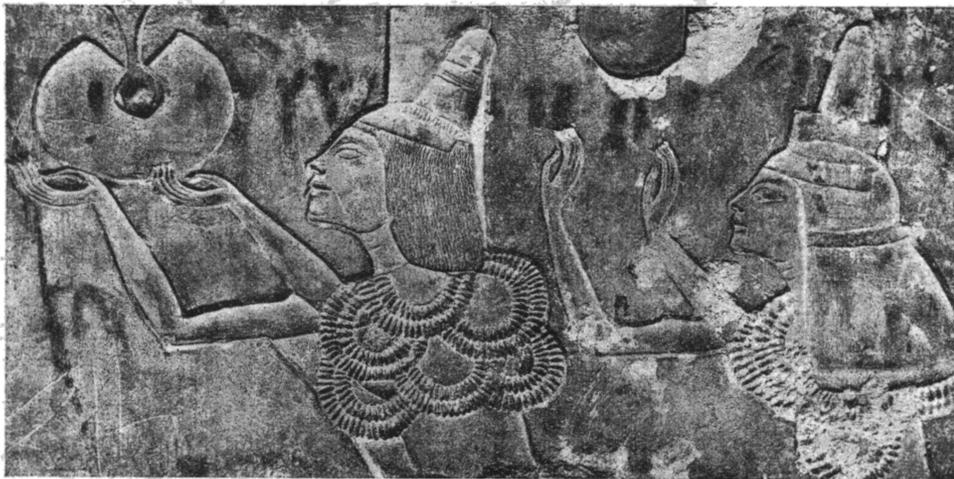

Рис. 12. ЭЙЕ и ТИЯ.

Рельеф из гробницы Эйе в Амарне.

Аналогичное построение находим мы и в рельефе гробницы Маху, изображающем его рядом с группой городских чиновников. Здесь перед нами (см. рис. 14) шесть полупрофильных фигур, изображенных с редкой свободой и большим мастерством. Все фигуры разнятся между собой своими характерными внешними, физическими отличиями, постановка их голов и выражение их лиц отмечают своеобразные

Рис. 13. СЛЕПЫЕ МУЗЫКАНТЫ. Амарнский рельеф.

особенности внешности каждого из пяти чиновников. Но в то же время все они объединены одной общей внутренней чертой, которая сквозит в каждом их жесте, в каждом их движении, в каждой линии их лица и фигуры – чертой, выражающей полное сознание их чиновного достоинства и своеобразную профессиональную, почти кастовую гордость. В этом отношении этот рельеф уже возвышается над обычным портретом, создавая определенный тип, опреде-

ленную социальную и сословную фигуру египетского чиновника, так хорошо нам известно по литературе и по тем отдельным черточкам, которые мы находим в памятниках предшествующего времени. Здесь же мы видим полную и законченную фигуру, ярко и выпукло изображенную в целом ряде от-

Рис. 14. МАХУ и ГОРОДСКИЕ
ЧИНОВНИКИ.

Гробница Маху
в Амарне.

дельных модальностей резцом большого и талантливо-го мастера.

Но на ряду с этими смелыми дерзаниями и крупными достижениями в новом Амарнском искусстве сохранились и некоторые пережитки старого, которые мы на этот раз наблюдаем в разработанной

форме древне-египетского искусства — в живописи, в тех традиционных условных сценах, которые явились отражением ценности и живучести всех понятий, окружавших центральную идею погребения и загробного мира, не изжитую еще египетским сознанием даже в Амарнскую эпоху. Наоборот, этот круг мыслей настолько сильно владел душами древних египтян, что не мог быть сокрушен даже ударами смелого реформатора и, всегда торжествующий, продолжал жить, воплощенный в религии, в бытовом укладе и в искусстве. В гробнице визиря Рамозе, относящейся к первой половине царствования Эхнатона, мы видим любопытную сцену (см. рис. 15) плакальщиц, хорошо нам известную по многочисленным традиционным и типическим изображениям предшествующего времени. Наше изображение находится в полной зависимости от старых условных шаблонов, и только некоторая приподнятость голов и плавность и текучесть очертаний протянутых рук говорят о новых веяниях в искусстве, лишь слабо просачивающихся в область канонических изображений, связанных с ритуалом погребения и загробным культом. Очевидно, здесь мастер побоялся еще разорвать с установившейся традицией и лишь отчасти привнес в исконный образец те новые моменты, которые властно захватили Амарнское искусство.

Наконец, последним свойством Амарнского искусства, отмеченным, как и ранее указанные нами естественность и выразительность, Шефером в своей последней работе (88), является увлечение самобытной красотой линии, радость и упоение самоценностью художественных форм, «die Freude am Eigenwert der Linie», как определяет это свойство Шефер. Приблизившись к природе, к простым и ясным фор-

мам, художник невольно воплотил в своих произведениях ту плавную текучесть, которую он видел в струе падающей воды, в мягких линиях песчаных

Рис. 15. ПЛАКАЛЬЩИЦЫ. Гробница Рамозе близ Фив.

дюн, во всем том статическом и динамическом ритме покоя и движения, которыми полна вечно живая и вечно трепетная природа. Стремление к естествен-

ности и выразительности заставляло художника в каждом своем объекте искать и находить тот скрытый внутренний ритмический темп, ту пульсацию жизни, которая всякому предмету и живому существу дает его своеобразие и его самобытную характерность. Отсюда эта тонкая и художественная передача мягких и текучих линий, эта любовь к плавным контурным очертаниям, которыми сплошь насыщено Амарнское искусство. В известном большом рельефе, изображающем коленапреклоненных Эйе и его жену Тию (рис. 16), мы видим яркое и характерное изображение этого внутреннего статического ритма, который наполнял обе молитвенно коленапреклоненные фигуры и который был прекрасно уловлен и передан художником. В мягких и симметричных линиях волос, протянутых вперед рук, плавно спадающих одежд и согнутых колен ясно чувствуется тот молитвенный покой, который, однако, полон глубокого, чисто физического напряжения. И на ряду с этим замечательная выразительность лиц и вся гармоничная композиция двух склоненных фигур делают этот рельеф одним из шедевров Амарнского искусства. Здесь подлинный пульс жизни действительно схвачен художником и метко воспроизведен в точных и ясных линиях. Здесь мастер наиболее приблизился к природе, к жизни, к реальной действительности, что теперь стало главной задачей и целью нового искусства.

Так же хорошо передан в произведениях Амарнского времени ритм движения, динамический ритм, расчлененный художником на его составные части, но в цельном образе выпукло и ярко воспроизведенный им в групповой композиции. Мы уже отмечали выше эту динамику, это глубокое и захватывающее изображение движения, которым проникнуты фрески

дворца в Ахетатоне. В беге быков амарнские мастера сумели подметить всю силу и мощь кинетического ритма и остро и по-новому изобразить его на своих

Рис. 16. ЭЙЕ и ТИЯ. Рельеф из гробницы Эйе в Амарне.
фресках. И хотя здесь и сказывается некоторое влияние иноземного мастерства, мы не можем отнять у египетского художника всей заслуги этого нового

достижения в искусстве, ибо он вполне сознательно перенес чужеземный образец и творчески воспроизвел его оригинальные и новые для него черты. Легкость и свобода скачущего быка (см. рис. 10) обнаруживают нам, что египетский мастер уже сжился с этой новой формой изображения и сделал ее обычным для себя изобразительным средством. Наконец, и в движении человеческих фигур художник сумел передать всю силу и динамику быстрого шага и даже бега воина (см. рис. 17); каждая фигура нашего рельефа сделана ясно, отчетливо и твердо. И в то же время все двенадцать фигур объединены одной общей силой движения, одним общим динамическим ритмом, который спаивает воедино эту яркую и сильную композицию.

Наконец, в самой композиции рисунка и рельефа, как мы это уже неоднократно отмечали выше, заметно сознательное и нарочитое построение, тонкий художественный замысел мастера, обнаруживающий всю высоту художественной культуры того времени. Но в одном изображении это чисто-композиционное творчество особенно отчетливо и ясно выступает на первый план, заслоняя собою все остальные задания и достижения мастера. Изображение Эхнатона, дарящего своей супруге Нофретити поцелуй под лучами благодатного Атоновского Солнца, стоя на мчащейся колеснице, влекомой парой коней, — это изображение, высеченное на западной стене гробницы Ахмеса (см. рис. 6), приковывает наше внимание. Здесь мы видим две конные и две человеческие фигуры, не считая маленькой фигурки дочери Эхнатона, все компактно слитые между собой и образующие две отдельные группы, соединенные тремя линиями земной поверхности, вожжей и солнечного луча, а также

треугольником оглобель. С другой стороны, вся картина представляет из себя почти правильный прямоугольник с двумя вписанными в него треугольниками: треугольником лошадей и треугольником луча и колесницы, в который в свою очередь заключены фигуры фараона и его супруги. Это тонкое геометри-

Рис. 17. БЕГ ВОИНОВ. Рельеф из гробницы Ахмеса в Амарне.

ческое построение всей композиции говорит о высоком мастерстве художника, стремящегося к правильному симметричному построению и расположению своих фигур и к осмысленному их положению среди остальных частей композиции.

Таким выступает перед нами в памятниках того времени то смелое новаторское искусство, которое

мы знаем под именем Амарнского искусства. Порвав со многими старыми традициями, условностями, шаблонами и трафаретами, оно вывело художественное творчество древнего Египта на новый и широкий путь свободного развития, начертав на своем знамени три лозунга: естественность, выразительность и красота. Изящество и мягкость форм были его отличительными свойствами, утонченность была той стихией, которая владела мастером, а стройность композиционного замысла увенчивала здание этого высокого и развитого искусства. Стоя в связи со всем новым уклоном Амарнской жизни и религии, Амарнское искусство, провозгласившее возврат к правде и природе, составляет значительную и существенную часть всего того нового мировоззрения, которое создано в древнем Египте под влиянием смелой Эхнатонской реформы в годы 1375 — 1358 до начала нашей эры. Теперь нам следует взглянуть и на повседневную жизнь того времени, чтобы увидеть, какой новый уклад жизни был создан великим реформатором, давшем своему народу новую религию и новое искусство.

Новый
уклад
жизни.

Мало было провозгласить идеи новой реформы, идеи нового культурного движения. Их надо было претворить в жизнь, воплотить в реальную действительность, ими нужно было пропитать весь уклад бытовой жизни того времени, дабы их упрочить в сознании тех людей, которые до сего времени жили традициями и понятиями древней тысячелетней культуры. Поэтому Эхнатон, желавший дать твердый национальный, общественный и личный базис своей реформе, желавший, чтобы она пустила глубокие корни в народном сознании, решил в корне изменить весь прежний уклад жизни, весь старый бытовой строй, приспособив его к требованиям нового учения,

нового мировоззрения и новой веры. В этом отношении его попытка реформационной ломки всех старых традиций является наиболее оригинальной и смелой, почти революционной, но зато и наиболее трудной, ибо нельзя одним махом уничтожить то, что росло, развивалось и образовывалось в течение столетий.

Внешние формы жизни только близорукому взгляду кажутся сплошными условностями и пустыми формальностями, на самом деле они с роковой неизбежностью всегда отражают тот или иной уровень внутренней насыщенности души. Поэтому тщетной будет попытка изменить эти формы до тех пор, пока не будет изменен их субстрат, состоящий из духовной настроенности и наполненности человека, которая не поддается человеческому воздействию, а подчиняется одному лишь слепому движению исторического процесса.

Желая изменить мирозерцание своего народа, дать ему новую религию и новое искусство, Эхнатон стал насильственно изменять внешние формы его жизни, дабы приспособить их к своим новым культурным достижениям, но упустил из виду, что ни новыми словами, ни новыми бытовыми формами он не сможет наполнить ту духовную пустоту, которая, образованная ломкой традиции, медленно наполняется лишь течением времени и ростом новой культуры. В этом первая роковая неудача реформационной деятельности Эхнатона, которая привела к гибели его реформу. Но посмотрим все же, каков был тот новый уклад жизни, который пытался дать своему народу Эхнатон. Первой областью, непосредственно доступной его воздействию, была сфера государственного управления, в которой он и стал произво-

дуть свои эксперименты реального претворения в жизнь своих прекрасных, но слегка химерических идей, которые, наподобие парниковых растений, не выдерживают свежего воздуха и быстро чахнут, пересаженные из своих теплиц на здоровую и трезвую почву повседневной жизни.

Сохранив от прежнего времени идею божественности царской власти, которая явилась одним из столпов исконной египетской государственности, Эхнатон ее еще более заострил и подчеркнул, провозгласив себя «возлюбленным» сыном нового солнечного бога, его единственным пророком, «единственным в солнце» в своем имени Уаенра, почти мессией нового божества. Мы уже видели выше тот культ божественного фараона, который создан при дворе Эхнатона в солнечном граде Ахетатоне. Мы уже видели выше, в какой интимной, сыновней близости чувствовал себя божественный фараон к своему божеству Солнечного Диска, исполненный великой идеей богоизбранности, своего богосыновства, своей истинной богоносности. Действительно, он мог с полным правом произнести слова: «Я и отец — одно», ибо они властно звучат между всеми строками его солнечных песен и гимнов.

Все памятники Амарнского времени единогласно свидетельствуют нам о той необычайной высоте, на которую была вознесена царская власть при Эхнатоне, особенно же ярко выступает это из самого отношения подданных к своему ничем не ограниченному властителю. Близ лица фараона все окружающие его раболепно согнуты, их фигуры изображают полную покорность и полное подчинение своему божественному владыке.

И на ряду с этим обожествлением своей власти

Эхнатон, рабски следуя своему собственному учению, должен был допустить то первое внутреннее противоречие своей политики, которое и явилось одной из причин ее будущего крушения. Проповедуя всюду опрощение жизни, Эхнатон был принужден показать этому пример с высоты престола и спуститься с высот своего солнечного созерцания в толщу повседневной народной жизни. Стараясь подойти ближе к своему народу, фараон стал чаще появляться среди него, в простой семейной обстановке обнаруживал он своим подданным свой божественный лик. Больше того, при дворце был построен высокий открытый балкон, на котором фараон со всей своей семьей стал часто показываться своему народу, награждая оттуда золотом чести и похвалы своих приближенных и, может быть, проповедуя с этого царского крыльца свое новое солнечное учение. Очень возможно, что и доступ к фараону стал теперь легче, чем раньше, ибо прежний пышный этикет был значительно упрощен. Доступный глазам своих подданных, фараон стал, может быть, доступен и их словам, мольбам и просьбам. Одним словом, сын солнца, сойдя со своей высоты, близко подошел к своему народу, желая принести ему слово любви и правды, но забыв о том, что тем самым он вступает в глубокое противоречие со своим собственным учением о божественности и недоступности царской власти.

Стараясь слить таким образом национальное сознание, в лице фараона, с общественным сознанием, в лице народа, растворить царскую власть в народе и соединить своей державной волей социальные верхи с общественными низами, Эхнатон должен был создать для этой новой социальной реформы соответствующий социальный базис. Те классы и сословия, кото-

рые противились реформе, должны были быть устранены или даже уничтожены, а те, которые ей сочувствовали, усилены, упрочены и поддержаны царской властью. В этом заключалось необходимое изменение общественного уклада жизни, его старинных традиционных форм и перегруппировка социальных слоев того времени. Врагом реформы естественно оказалось старое жречество во главе с жреческой коллегией фиванского храма Амона, ибо против его колоссальных богатств и против его мощного влияния за народное сознание была направлена новая реформа, изменившая всего лишь одну слабую, согласную, чуть заметную букву в имени всесильного бога, но тем разрушившая все его могущество. Фиванские жрецы, чувствуя всю опасность для себя от надвигающейся реформы, оказали ее проведению наиболее резкое и упорное сопротивление. За это они понесли свою кару, как то мы видели выше. Эхнатон объявил и им, и их покровителю Амону настоящую войну, уничтожая всюду имя и титулы ненавистного ему врага. Под ударами новой реформы на время пало влияние фиванского жречества, что опять-таки послужило лишь причиной неизбежной реакции. Но место старого жречества должно было быть заполнено новым общественным классом для того, чтобы была сохранена социальная статика египетского общества. Эхнатон это ясно сознавал и поэтому он, с одной стороны, выдвинул на первый план и соответственно возвысил и приблизил к себе древнее гелиопольское жречество, давно сошедшее с арены политической жизни и поэтому сочувственно приветствовавшее ту реформу, которая несла гибель и смерть Амону, узурпировавшему верховные prerogatives древнего солнечного бога Ра. С другой стороны, Эхнатон

пытался создать новый общественный слой в лице той вышедшей из народа чиновничьей и придворной интеллигенции, которая составила из его новых приверженцев и сторонников, возвышенных его личным покровительством из среды социальных низов. Эти новые *parvenus*, эти царские креатуры, фавориты и баловни судьбы, вознесенные ею к ступеням трона, образовали самую надежную опору новой реформы, которая создала все их благополучие и одна лишь поддерживала их общественное значение. Теперь нам должна быть понятна вся непрочность социального базиса новой реформы и должно стать ясным то роковое противоречие, в которое впал Эхнатон, разрушая старый, мощный своими традициями класс и заменяя его свежим, рыхлым, незрелым, скороспелым и беспочвенным социальным образованием.

Но все же главной задачей Эхнатона было перерождение самой психики человека, пересоздание на новый лад, согласно требованиям нового учения, всего душевного склада древнего египтянина, его личного, индивидуального сознания. Новая реформа вторгалась в самые глубины личной души, проникая даже до семейного очага. Здесь, у самых истоков человеческой жизни, где формируются душа и характер человека, должны были быть созданы волей державного монарха новый жизненный уклад и новые бытовые формы. Основа и фундамент общественной и народной жизни — семья — подверглась поэтому коренному преобразованию.

Те старые, традиционные, вековые формы семейной жизни, которые из поколения в поколение переходили неизменными и которые так ярко воспроизведены в недавно найденных письмах жреца Хеканакта (89)

жившего в эпоху Среднего Царства и тиранически-патриархально правившего своей громадной разросшейся семьей,—эти старые формы семейной жизни были значительно упрощены, что в сильной мере ослабило и древние семейные и тем более родовые связи. Женщина, всегда занимавшая в древне-египетской семье видное и значительное место и являвшаяся полновластной хозяйкой в доме, была почти сравнена в своем достоинстве с мужчиной, получив право присутствовать на ряду с ним при всех придворных торжествах и официальных жертвоприношениях. Образцом такой обновленной семьи должна была послужить для всех семья самого царственного реформатора, который не постеснялся раскрыть своим подданным все тайны своего семейного очага. С вполне определенной целью пропаганды нового учения Эхнатон стал вести открытую жизнь, обнаруживая как при торжественных случаях, так и на художественных памятниках всю простоту, несложность и прозрачность своей семейной жизни. Высокие идеалы любовности, чистоты и естественности руководили им при этом практическом осуществлении требований своего учения и мирозерцания, но, к сожалению, ему не удалось пробить той вековой толщи древних традиционных и выросших форм, которые опутывали древне-египетскую семью. Стараясь освободить ее от условностей, он только ослаблял родовые и семейные связи, иными словами — разрушал семью, не будучи в состоянии ее заменить иной, новой формой человеческого общежития. В этом третье роковое противоречие его реформационной деятельности, ибо он не был в силах проникнуть до самых глубин личного, индивидуального сознания и произвести там ту перестановку вековых устоев, которая бы обеспечила

прочность его реформе. Скользя лишь по поверхности души человека, новые громкие и светлые солнечные слова не достигали и не были в состоянии достичь темных глубин сознательной и тем более подсознательной жизни.

А объяснялось это главным образом тем, что культурный уровень развития широких слоев египетского народа не был настолько высок, чтобы воспринять сложное, высокое и глубокое, чисто метафизическое учение Эхнатона. Те подпочвенные процессы, которые вели к установлению нового строя, не довели до конца своего дела подготовки египетского общества к восприятию новой реформы. Недостаточно глубоко была вспахана почва, и поэтому понятно, что брошенное в нее семя не дало всходов. С другой же стороны, и сама реформа не проводилась в таком разрезе, который бы соответствовал данному культурному уровню египтян. Она не была приспособлена к их пониманию и только отпугивала от себя слабых духом и приверженных к старине своей глубиной и необычайной сложностью. Наконец, слишком быстро, слишком смело и решительно, почти насильственно проведенная, она с роковой неизбежностью вызвала протест тех косных масс, которыми все еще владели древняя, тысячелетняя и мощная культура и те исконные традиции, которые еще себя окончательно не изжили, которые еще руководили миллионами сознаний и душ. Эхнатон недооценил силы этих исторических факторов и пал роковой жертвой своего солнечного прозрения и непроглядного мрака современности, его окружавшей.

Таков был заколдованный круг противоречий, в который с роковой неизбежностью попал Эхнатон, не продумав до конца практических последствий

своей реформы. Крайнее обожествление и вместе с тем опрощение власти фараона, устранение старого фиванского жречества и неудачная попытка заменить его новообразованным общественным слоем, разрушение исконных семейных связей и пробуждение нового индивидуального сознания, наконец сложность и глубина нового учения и полная неподготовленность общества, а тем более народа к восприятию его, при сравнительно невысоком культурном уровне широких масс населения и при существовании в то же время мощных тысячелетних традиций— вот те противоречивые факты, которые в своем столкновении вызвали неминуемую волну ответной реакции. Амарнская реформа не надолго пережила своего творца и проповедника. Слишком быстро, решительно и смело проведенная, она уподобилась большому резиновому мячу, с силой брошенному в твердую каменную стену и с равной силой отскочившему от нее. Преемники Эхнатона не сумели удержать на должной высоте его дело и принуждены были капитулировать перед требованиями всесильного фиванского жречества, которое, исподволь воспитав народ в ненависти к новым идеям и новому учению фараона-еретика и «хулителя Фив», воспользовалось смертью энергичного реформатора для того, чтобы начать открытый поход против Ахетатона, окончившийся блестящей победой приверженцев старины и безудержной реакции. Так трагически погибло то великое дело переустройства государства на новых солнечных началах истины, любви и красоты, которое было смело и отважно начато первым и последним пророком Атона; так началась та эпоха реакции, которая вернула Египет к прежним вековым устоям, к прежним традициям и к прежней, древней, тысячелетней культуре.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Реакция и последствия реформы.

У Эхнатона не было сыновей, не было прямых и близких кровных родственников, близких ему по духу, которые могли бы поддержать престиж династии на границах государства, в мятежных окраинных областях, и вместе с тем продолжить то великое дело реформы, которое было начато последним великим эпигоном воинственной 18-й династии. Поэтому после смерти Эхнатона в 1358 году на египетский престол вступил первый зять царя, Сакара, женатый на его дочери Меритатон, что значит «Любимая Атоном». Памятники не сохранили на себе следов этого действительно эфемерного царствования, и нам остается лишь предположить, что Сакара был одной из тех креатур фараона, о которых мы говорили выше. Очевидно, это была бледная и лишенная какой бы то ни было энергии и государственного таланта личность, с трудом лишь удерживавшая то положение вещей в стране, которое создано к моменту смерти Эхнатона и которое, наконец, было изменено политикой реакционной фигуры второго зятя и преемника Эхнатона, носившего имя Тутанхамона, что значит «живой образ Амона».

Тутанхамон. До самого последнего времени Тутанхамон оставался почти совершенно загадочной фигурой на фоне после-Эхнатонского реакционного времени. Но теперь, после того как усилиями английского мецената лорда Карнарвона и египтолога Картера 29 ноября 1922 года была открыта гробница Тутанхамона в одном из тайников Долины царских гробниц (Бибан-эль-молук), становится возможным приступить к изучению этой глубоко интересной эпохи перехода от неудавшейся реформы к прежнему стародавнему культурному укладу. Конечно, еще преждевременно писать историю этого времени, так как нам почти совершенно неизвестны те богатейшие вещественные, художественные и письменные памятники, которые были найдены Картером в гробнице Тутанхамона, но все же мы можем хотя бы в общих чертах обрисовать фигуру этого фараона, выступившего в качестве первого ликвидатора Амарнской реформы, и бегло охарактеризовать его непродолжительное, но интересное царствование (90).

Внешний облик Тутанхамона нам довольно хорошо известен. На статуэтке из розового гранита, находящейся в Каирском музее (91), он выступает перед нами со своими характерными мягкими, кроткими, почти женственными чертами лица, поражающими нас какой-то неуловимой общей чертой сходства со всеми портретами Эхнатона, что позволило французскому исследователю Бенедит счесть его за родного брата Эхнатона и сына Аменхотепа III. Это подтверждает и догадка Даресси, приписавшего Тутанхамону одну из портретных головных каноп, ранее приписывавшихся Эхнатону. Наконец, даже в голове бога Хонсу из находки Легрен теперь склонны видеть того же самого Тутанхамона. Все эти его изображения, связанные несомненным портретным

сходством, дают нам полное и цельное впечатление о внешнем облике фараона-реакционера, который после блестящего открытия Картера стал вполне реальной и ясной фигурой египетской истории. Как указывает в своем очерке Бенедит, во внешности Тутанхамона мы находим целый ряд фамильных черт, тесно связывающих его с последними фараонами 18-й династии и заставляющих нас признать в нем родного брата Эхнатона и сына Аменхотепа III (92). Этим можно также отчасти объяснить и реакционную политику Тутанхамона, сводившуюся к ликвидации Амарнской реформы и к сближению с фиванским жречеством. Воспитанный в обстановке фиванской придворной жизни, весь проникнутый идеями государственной политики своего великого отца и тесно связанный с высшим фиванским жречеством, Тутанхамон, очевидно, с самого начала не разделял реформационной деятельности своего царственного брата и держался вдали от новой столицы—Ахетатона, что объясняет нам отсутствие каких-либо указаний на него в памятниках Амарнского времени. Призванный к власти после смерти Сакара, первого преемника и зятя Эхнатона, тогда еще Тутанхатон должен был соблюсти внешние требования придворного этикета и, для того, чтобы узаконить и упрочить свои права на престол, связать себя тесными брачными узами с семьей своего брата. Поэтому он и женился на его дочери Анхесенпаатон («она живет благодаря Атону») и поселился в новой столице—Ахетатоне, продолжая в первые годы своего царствования политику двух своих предшественников и поддерживая внешним образом ту великую реформу, которой он не мог внутренне принять вследствие своей искренней приверженности к старому, дореформенному строю.

Когда же Тутанхамон почувствовал, что его положение в стране вполне упрочилось, что все население смотрит на него с доверием и, больше того, ждет от него решительного шага в сторону отказа от продолжения политики Эхнатона, он, наконец, решился произвести тот *coup d'état*, который властно диктовался ему всем ходом вещей и рано или поздно должен был быть совершен. Для этого необходимо было прежде всего разорвать связь с тем городом, где еще мощно веял дух нового солнечного учения и где каждый камень был пропитан идеями гениального реформатора. Для этого необходимо было снова войти под сень Амона и принести ему жертву примирения в его фиванском храме. Все это и сделал Тутанхамон, движимый как своими личными настроениями, вкусами и симпатиями, так и неизбежным течением исторического процесса, медленно изживавшего неудачную реформу. Но в своей ликвидационной деятельности Тутанхамон обнаружил большой государственный талант, тонкий политический такт и похвальную осторожность. Переехав из Ахетатона в Фивы, он не сразу и не слишком решительно порвал с прежним укладом жизни и веры и первое время внешне сохранял культ Атона и даже продолжал постройку его храма в Фивах. Но затем он стал все больше и больше склоняться на сторону реакционного фиванского жречества, переименовал сакральную букву своего имени (Тутанхатон—Тутанхамон) и, тем отречьшись от Атона, перешел открыто в лагерь Амона. Памятники того времени показывают нам его, как верного сына великого фиванского бога и как исповедника традиционной веры великих фараонов 18-й династии. На черной гранитной скульптурной группе, недавно приобретенной в Лувр, мы видим,

как он стоит у подножья престола Амона, в сыновней почтительности прислонившись спиной к коленям великого бога, чьи руки ласково и отечески касаются его плеч (93).

Перешедши на сторону Фив, Тутанхамон волей-неволей должен был продолжать политику своих великих предшественников. Помимо сложной и ответственной задачи ликвидации всех последствий реформы, он должен был возобновить ту крупную строительную деятельность, которая была прервана Эхнатомом. И, действительно, им были принесены эти искупительные жертвы разгневанному фиванскому богу и его могущественным жрецам. Большая колоннада Луксорского храма и храм Пта в Карнаке, узурпированные у него Горемхебом, свидетельствуют нам об его энергичной строительной деятельности во славу старых богов Египта, а его стела, найденная в Карнаке, в ярких красках перечисляет все те дары, которые он принес древним поруганным богам своей страны. Больше того, он передал весь штат певиц и танцовщиц Атона в Фиванский храм Амона, подвергнув их предварительному очищению, чем показал свое глубокое отступничество от Амарнской веры. Им был восстановлен старый праздничный календарь фиванского ритуала, и под его руководством были отпразднованы торжественные празднества в честь фиванского бога Амона. Последние следы Амарнской реформы были вытравлены из памяти народа. Имена и изображения фараона-еретика и всей его семьи были стерты и обезображены, его некогда роскошная столица Ахетатон была заброшена и предана забвению, и снова на египетском небе засияла блестящая звезда Фив, в которых снова закипела жизнь бурным и нервным темпом. Один из текстов Лейденского

папируса ярко характеризует нам это переходное время:

«Сокрушен хулитель Фив,
Низвергнут враг владычицы градов.
Фивы — слава владыки вселенной,
Божественное око Атума, око Ра.
Фивы могущественнее всех городов,
Она своей мощью вернула власть над землей
единому владыке.

Когда натягивают лук, мечут стрелы,
С ней не вступают в борьбу,—
Столь велика ее мощь.
Все города прославляют ее имя,
Она — владычица, сильнейшая из них.
Когда Ра вступил... (?) в начале времен:
«Фивы совмещают оба предела вечности»,—
Так изрек он про нее...» (94).

Наконец, подобно своим великим предшественникам, Тутанхамон должен был продолжить традиционную воинственную политику фараонов 18-й династии, дабы широко распространить по всему миру славу Египта и Амона. Из одного памятника его времени мы узнаем, что он снова получает дань от северных народов, из Сирии, что заставляет нас предполагать, что он действительно предпринял поход на север для восстановления там поколебленного политикой Эхнатона престижа египетской власти и египетского, некогда непобедимого, оружия.

Но все же эти искупительные жертвы не примирили его окончательно с реакционно настроенными кругами населения. Большинство его памятников узурпировано его преемниками, его имена стертые, а на прекрасной скульптурной группе, описанной Бенеди-

том (95), его голова безжалостно отбита. Таким образом его постигла печальная участь первого отступника и ренегата, отставшего от одного берега и целиком не приставшего к другому, постоянно подвергающегося ударам как той, так и другой стороны. Таково было краткое шести- или восьмилетнее царствование Тутанхамона, бегло очерченное нами на основании сохранившихся памятников. Однако мы не должны забывать, что впредь до полного опубликования всех памятников, найденных Картером в гробнице Тутанхамона, все это построение должно считаться абсолютно гипотетическим и научно не доказанным и потому нуждающимся в серьезной фактической поверке.

Вслед за Тутанхамоном на египетский престол вступил «божественный отец» Эйе, муж кормилицы Эхнатона, тесно связанный с личностью и учением великого реформатора. Эфемерный владыка одного мгновения, в свое краткое трехлетнее царствование пытался он примирить непримиримое и в конце концов должен был уступить требованиям времени и окончательно перейти на сторону Амона, что доказывает устройство им для себя нового погребения в Фивах, несмотря на то, что в скалистых горах Ахетатона его царственный и божественный покровитель уже приготовил ему роскошную усыпальницу. Наконец, окончательным ликвидатором неудавшейся Амарнской реформы явился молодой и энергичный воитель — Горемхеб, вернувший Египет к прежнему укладу жизни, связавший его с его исконными традициями и начавший серию блестящих фараонов воинственной 19-й династии.

Но как ни сильна и как ни жестока была эпоха реакции, она все же не смогла вытравить тех последствий Амарнской реформы, которые крепко впитались

Эйе.

Последствия реформы.

в сознание египетского народа. Отметим поэтому в заключение в самых кратких чертах то влияние, которое оказала Амарнская реформа на дальнейшее развитие египетской культуры. Идеал естественности, провозглашенный новым учением, нашел живой отклик в египетском народе. Мы уже видели выше, как литературный, религиозный и даже официальный язык того времени сильно приблизился к разговорному языку, освободившись от архаизмов и обогатившись целым рядом новых форм и слов. То же упрощение и освежение находим мы в художественных формах после-Амарнского искусства, которое в связи с сильным стремлением к мягкости и пластичности очертаний создало прекрасные произведения времен Сети I и Рамзеса II. Наконец, даже в религии властно пробивается наружу эта свежая струя естественности, задавленная раньше громоздкими мифологическими образами. В солнечном гимне Лейденского папируса (96) мы находим явственные отзвуки Амарнской веры, звавшей людей к природе и к освеженному солнечному творчеству. На ряду с этим получило окончательное утверждение и закрепление в фиванской догматике Амарнское учение о вселенскости, космичности, благодати, любвеобильности и истинности верховного солнечного божества. Также и во всех остальных областях жизни мы видим сильное влияние Амарнской реформы, главным образом сказавшейся в значительном сближении египетской культуры с иноземными. Прежние международные перегородки были значительно ослаблены, и Египет быстро наводнился толпами иноземных купцов, мастеров, рабочих и воинов-наемников, которые принесли с собой свой язык, свою веру, свою культуру и свои технические и жизненные навыки. Мощная волна захлест-

нула Египет и заставила египтян почувствовать себя в кипящем котле интенсивной международной жизни, требовавшей все нового и нового напряжения культурного творчества. Старые традиции были порваны. старая культура медленно отживала свой век, и наступала новая эра национальной ассимиляции с иноземными ингредиентами, в чем опять сказалось мощное воздействие Амарнской реформы.

22 июля 1923 г.
Москва.

Библиография.

1. N. de Garis Davies. The Rock Tombs of El Amarna. Archaeological Survey of Egypt, edited by F. Ll. Griffith. 15-th Memoir. 6 volumes. London 1903—1908. Сокр.—Davies.
2. Walter Wreszinski. Atlas zur altaegyptischen Kulturgeschichte. Leipzig. Hinrichs. 5 Baende. Сокр.—Wresz.
3. Ancient Records of Egypt. Historical Documents from the earliest times to the persian conquest, collected, edited and translated with commentary by James Henry Breasted. Chicago—1906. 5 volumes. Сокр.—Breast. AR.
4. Д. Г. Брестед. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. Перевод с английского В. Викентьева. И-во М. и С. Сабашниковых. Москва—1915. Два тома. Сокр.—Брестед.
5. Б. А. Тураев. История Древнего Востока. Университетский курс. СПб. 1913. Два тома. Сокр.—Тураев.
6. G. Steindorff. Die Blutezeit des Pharaonenreiches. Monographien zur Weltgeschichte. Band 10. Leipzig. 1900. Сокр.—Steind.
7. Hermann Schneider. Kultur und Denken der alten Aegypter. Leipzig—1907. Сокр.—Schneider.
8. И. Г. Франк-Каменецкий. Памятники фиванской религии в Фиванский период. Два выпуска. Культурно-исторические памятники Древнего Востока под общей редакцией проф. Б. А. Тураева. Москва—1917, 1918. Сокр.—Франк. Пам.
9. Alexander Scharff. Aegyptische Sonnenlieder. Uebersetzt und eingeleitet. Mit 8 Abbildungen in Text und 4 Tafeln. Verlag K. Curtius. Berlin—1922. Сокр.—Scharff. SL.
10. Heinrich Schaefer. Die Religion und Kunst von El Amarna. Mit einer Uebersetzung des Sonnengesanges von Kurt

- Sethe, einem Deckelbild, 3 Textabbildungen und 7 Tafeln
Verlag J. Bard. Berlin - 1923 (Meisterwerke in Berlin).
Сокр. — Schaefer. RKA.
11. Adolf Erman. Die Aegyptische Religion. Zweite, umgearbeitete Auflage. 164 Abbildungen (Handbuecher der Koeniglichen Museen zu Berlin). Verlag G. Reimer. Berlin—1909. Сокр. — Erman. Rel.
 12. A. Erman und H. Grapow. Aegyptisches Handwoerterbuch. Verlag von Reuther und Reichhardt. Berlin—1921. Сокр. — Erm. Grap. HW.
 13. Georges Bénédit. Amon et Toutankhamon. Au sujet d'un groupe acquis par le Musée Egyptien du Louvre. Paris, Leroux — 1921. Сокр. — Bén.
 14. Diedrich Fimmen. Die Kretisch-Mykenische Kultur. Leipzig. Teubner — 1921. Сокр. — Fimmen.
 15. Проф. И. Г. Франк-Каменецкий. Религия Амона и Ветхий Завет. Сборник трудов профессоров и преподавателей Государственного Иркутского Университета. Отдел 1, Науки гуманитарные. Выпуск 1 — 1921, стр. 114 — 140. Сокр. — Франк-Рел.
 16. Ф. В. Баллод. Египетское искусство времен Аменофиса IV.
-

Примечания.

1. Перевод имени Эхнатона в точности еще не установлен. Тураев и Франк переводят «Угодный Атону», Шефер «Es gefaellt dem Aton», Эрман и Сете «Es freut sich die Sonnenscheibe», Штейндорф «Geist des Sonnengestirns», Брестед «Дух Атона» и Нибур «Abglanz der Sonnenscheibe».
2. По имени арабской деревушки Эль-Амарна, находящейся на месте древней столицы Эхнатона, где были найдены все памятники того времени.
3. Тураев I/268.
4. Breast. AR. II/73, p. 31.
5. Breast. AR. II/58, p. 25.
6. Тураев I/281, 280.
7. Тураев I/289.
8. Steindorff, S. 96.
9. Erman. Grap. HW. SS. 226—228.
10. Schneider. SS. 205—215.
11. Schaefer RKA. SS. 42—43.
12. Fimmen. SS. 181—200.
13. Schaefer RKA. S. 4.
14. Франк. Пам. и Франк. Рел. passim.
15. См. Ed. Naville. The Temple of Deir el Bahari. 7 volumes. London — 1894 sq.
16. Davies III, pl. XXXI и XXXIX.
17. Steind. S. 55. Брестед I/ рис. 104.
18. Wresz. 1.
19. Брестед I/ рис. 105.
20. Wresz. 80—81.
21. Ibid. 82.
22. Ibid. 84.
23. Erman Rel. S. 81.
24. Breast. AR. II/ 671—711, pp. 270—281, Тураев I/ 283—284.
25. Тураев I/ 284.
26. См. Тураев. Рассказ египтянина Синухета. М.—1915, стр. 54.
27. См. прим. 15.
28. Wresz. 42.

29. Ibid. 199.
30. См. I. Hunger und H. Lamer. *Altorientalische Kultur im Bilde.* Leipzig — 1912. S. 40. Abb. 82. Wresz Taf. 310.
31. Wresz. 149.
32. Франк. Пам. I/18.
33. См. E. Amelineau. *Prolégomènes à l'étude de la religion égyptienne.* Paris — 1908. Vol. I passim.
34. Изображение крылатого диска см. у Erman Rel. S. 13. Изображения Ра-Гора см. Scharff SL. Taf. 1 und Abb. 4. S. 8.
35. Scharff SL. Taf. 3.
36. Scharff SL. Einleitung passim.
37. Франк. Пам. passim.
38. Davies VI pl. XXVII.
39. Франк Пам. I/34.
40. Scharff SL. S. 34.
41. Ibid. S. 43.
42. Ibid. S. 31.
43. Ibid. S. 57.
44. Davies I/129, pl. VII.
45. Scharff SL. S. 44.
46. Ibid. S. 31.
47. Davies VI, pl. XXVII.
48. Ibid. II/45, pl. XXXVI.
49. Scharff SL. S. 49.
50. Ibid. SL. S. 43.
51. Ibid. S. 47.
52. Ibid. S. 53.
53. Ibid. S. 97.
54. Steind. S. 157.
55. Davies V/16, pl. II.
56. Развалины этого города найдены близ арабской деревушки Эль-Амарна, откуда и название Амарнской культуры.
57. Брестед II/46.
58. Schaefer RKA SS. 22—26.
59. Davies V/16, pl. II.
60. > ibid.
61. > ibid.
62. Текст большого гимна Атону см. Davies VI, pl. XXVII и Erman *Aegyptische Chrestomatie.* SS. 70—75.
Переводы см.:
1. Davies VI.
2. Erman Rel. SS. 79—81.

3. Scharff SL. SS. 61—66.
4. Sethe см. Schaefer RKA. SS. 55—61.
5. Брестед. II/52—56.
6. Тураев, стр. 306—307.
63. Davies V/16, pl. II.
64. Breast. AR. II/945, p. 389.
65. Davies V/16, pl. II.
66. » V/29.
67. » II/45.
68. Schaefer RKA. S. 33.
69. Davies III/31, pl. XXIX.
70. См. прим. 62.
71. Davies V/16, pl. II.
72. » II/29, pl. VII.
73. » III/17, pl. II.
74. См. прим. 62.
75. Breast. AR. II/939, p. 387.
76. Брестед II, рис. №№ 153—154.
77. Davies V/16, pl. II.
78. » II/29, pl. II.
79. » III/17, pl. II.
80. Breast. AR. II/54, p. 24.
81. Davies III, pl. II.
82. » II/32, III/17, pl. II, III/18, pl. XX, V/17, pl. IX, V/18, pl. IV.
83. Davies VI, pl. XXXI.
84. Wresz. 182.
85. Steindorff 150, Schaefer RKA. Taf. 6. Брестед II, рис. 144.
86. Wresz. 235.
87. Брестед II, рис. 143.
88. Schaefer RKA, p. 39.
89. Bulletin of the Metropolitan Museum of Art in New-York, December 1922.
90. В. М. Викентьев. Фараон Тутанхамон и его гробница. «Новости Восток», 1923, № 3, стр. 363—371, и Bén. passim.
91. Bén. 17.
92. » 13.
93. » planche.
94. Франк Пам. II/11.
95. Bén. planche.
96. Франк Пам. II/12—13.

Список иллюстраций.

	стр.
1. Аменхотеп III. Берлинский музей	27
2. Фиванский бог Амон в виде лежащего овна с диском солида и уреем на голове и с фигурой фараона Амен- хотепа III между лапами. Берлинский музей	39
3. Аменхотеп IV в первые годы своего царствования. Лувр.	57
4. Эхнатон. Каирский музей	71
5. Эхнатон и Нофретити. Эскиз скульптора. Берлинский музей	73
6. Эхнатон и Нофретити. Гробница Ахмеса в Амарне . . .	75
7. План Ахетатона.	7
8. Пограничная стена. Амарна	79
9. Царица Тия. Коллекция Симон в Берлине	89
10. Амарнский пейзаж. Амарна	107
11. Амарнская царица. Берлинский музей	109
12. Эйе и Тия. Рельеф из гробницы Эйе в Амарне	113
13. Слепые музыканты. Амарнский рельеф	114
14. Маху и городские чиновники. Гробница Маху в Амарне.	115
15. Плазальщицы. Гробница Рамозе близ Фив	117
16. Эйе и Тия. Рельеф из гробницы Эйе в Амарне	119
17. Бег воинов. Рельеф из гробницы Ахмеса в Амарне . .	121

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
Предисловие <i>И. Бороздина</i>	7
Введение.	11
Глава I. Корни Эхнатоновской реформы. . .	15
Глава II. Эхнатон и его реформа.	70
Глава III. Реакция и последствия реформы. .	131
Библиография.	140
Примечания.	142
Список иллюстраций.	145

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

П Е Ч А Т А Ю Т С Я :

- К. Гамсун* — «Последняя глава»
О. Генри — «Рассказы», 2 изд.
Р. Роллан — «Лето»
Э. Синклер — «Сто процентов»

Ж У Р Н А Л Ы :

„СОВРЕМЕННЫЙ ЗАПАД“

№ 2—6

„В О С Т О К“

№ 5.

Торговый сектор:

М О С К В А, Ильинка, Биржевая пл., Богоявлен-
ский пер., 4.

ЛЕНИНГРАД, Ленинградское представительство,
Моховая, 36; склад Просп. Володар-
ского, 51-а.

„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Пьер Амн* — «Искатели золота»
Г. Бергстедт — «Праздник Йоргена»
Г. Бюхнер — «Смерть Дантона. Войчек»
Сириль Берже — «В то время, как он сражается»
Б. Богаевский — «Крит и Микены»
Вольтер — «Орлеанская девственница»
К. Гамсун — «Местечко Сегельфос»
О. Генри — «Рассказы жулика»
» — «Короли и капуста», 2-е изд.
Л. Деллюк — «В дебрях кинематографа»
Э. Зеллигер — «Петер Фосс»
Ф. де-Миомандр — «Золотой телец»
Петроний — «Сатирикон»
Э. По — «Стихи»
Р. Тагор — «Воспоминания»
Г. Честэртон — «Живчеловек»
«Французская революция в провинции и на фронте»
«Хетты и хеттская культура»

